

Александр Сеземин

**Из записок участкового
Максимова**

«Автор»

2026

Сеземин А.

Из записок участкового Максимова / А. Сеземин — «Автор»,
2026

Уральская тайга зимой, горы, пещеры и исчезновение нескольких человек, искателей древнего золотого клада. Лейтенант Максимов, участковый, берется за это сложное дело, где реальность переплетается с невероятным, даже с мистикой. Однако странные события можно объяснить и с вполне разумной точки зрения. А как на самом деле? И существует ли древние сокровища? На эти вопросы постарается ответить Максимов и его друг Сирий, бывший каторжанин.

Содержание

1 глава. Погоня в зимнем лесу.	5
2 глава. Встреча с каторжанином в тайге.	8
3 глава. Происшествие в таежной деревне.	12
4 глава. О бане и женщине.	16
5 глава. Опустевшая деревня и вечный дед.	20
6 глава. Незамерзающий источник и вечный дед Матвей.	22
7 глава. Незамерзающий источник, золото и женщина.	26
8 глава. Непроходимая граница в тайге и Дайка, хранящая золото.	29
9 глава. Золото Ермака и Дайка, хранительница клада.	32
10 глава. Пещера в тайге и спрятанное золото.	34
11 глава. Проклятое золото и источник, утоляющий жажду навсегда.	37
12 глава. Таежная спасительница и трудный путь домой.	40
13 глава. Найти свою половинку и начать жизнь заново.	43
14 глава. Тайна железной шкатулки.	47
15 глава. На коне по зимнему лесу.	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Сеземин

Из записок участкового Максимова

1 глава. Погоня в зимнем лесу.

Сельский участковый милиционер Петр Сергеевич Максимов собирался домой в рай-центр в Юзьеву из Ражино, где поймал очередного самогонщика.

- Сергеич, вот ты мне скажи - едешь ты к нам едешь, ловишь этих дармоедов, а они все равно никак не переводятся. Может и не надо их ловить? - Местный староста Иван Петрович Инютин любил порассуждать на разные темы. - Последнюю неделю в магазине хоть шаром покати, а мужикам-то ведь надо чем-то разговеться.

- Петрович, ты мне тут пропаганду не начинай. Закон строг, и статью в уголовном кодексе о самогоноварении еще никто не отменял. Есть статья, значит есть и нарушители, и будем с ними бороться.

- Да я не о том, понимаю. Но все же, не может селянин жить просто так. А тут, какая - никакая, а поддержка. Вдруг кто заболел? Первое дело!

- Заболел, в баню сходи, да пропарься как следует.

- А дезинфекция?

- Вот я весь самогон изъял и вашему фельдшеру отдал. Он вам и обеспечит дезинфекцию. Ты кстати проследи, чтоб это пойло налево не ушло.

- Да ты что, Сергеич! Нашего фельдшера не знаешь?!

- Знаю. А ты проследи. Дверь у него в кладовку слабая...

- Завтра займусь.

- Вот и займись. А за сигнал спасибо.

- Рад стараться! Ты все же в ночь собрался ехать?

- Утром надо в милиции быть и доложить о ваших безобразиях.

- Да каких безобразиях? Ладно, согласен. Жена тебе в дорогу собрала, лишним не будет.

- Спасибо Петрович. Пирожки с капустой?

- А то.

- Знатные она у тебя пирожки печет.

- Передам. Запрягать что ли?

- Запрягай.

- Соломки свежей подстелю. Аппарат-то тоже повезешь?

- А как же, вещ/док!

- Знамо дело... Метет хорошо. Как бы не застрял. В Митюхином логу осторожней, сразу не суйся. Султана под уздцы веди. Если, что - давай назад.

И только староста собрался идти запрягать, как дверь отворилась, и в дом упала девочка, сил переступить через высокий порог у нее уже не было. Староста и участковый бросились к ней, подняли и не сразу узнали девочку Ольку из Юзино, маленькой северной деревушки.

- Олька?! Ты как здесь? - Всполошился староста, отряхивая девочку от снега и растирая побелевшие щеки. - Одна?! Обморозилась поди!

- Одна. Не, снегом растирала. Мамка послала.

- Ты когда вышла?

- Утром, день шла. Мете-е-е-т.

- Сейчас жену позову, к соседке пошла, отогреет тебя. - Староста заторопился, накинул полушубок и сунул ноги в валенки, - Сергеич, подкинь дров.

Участковый пошурудил кочергой в печке и подбросил несколько поленьев. В комнате тут же приятно пахло березовым дымком.

- Мать-то зачем послала? - Максимов закрыл дверцу печки и обернулся к девочке. - Садись сюда, грейся.

- Чужаки у нас вчера были.

- Какие чужаки? - Участковый сразу насторожился. - К вам от дороги десяток километров будет, что у вас делать.

- Беглые.

- Это мать сказала?

- Да. Всю еду у нас забрали и дальше пошли.

- Не ночевали?

- Нет. Пригрозили только никому не говорить, что их видели.

- Так мать-то тогда тебя зачем послала? Не страшно?

- Они на Дюлино пошли, а я сразу сюда. Меня не видели.

- На Дюлино? Это же в самую глухомань. Там же никого нет. Что им там делать?

- Не знаю.

- А дед Матвей все еще там живет?

- Никто не знает. Года два его не было. Отец наш в той же стороне был, должен был вчера вернуться.

- И что? Не пришел?

- Нет. Вот мамка и забеспокоилась. Как бы с ними не встретился.

- А отец-то что там делал? Опять браконьерил?

- Так жить-то как-то надо. Есть нечего.

- Сколько их?

- Трое.

Вернулся староста с женой. Клавдия сразу бросилась к девочке и принялась ее обихаживать, поставила чайник, достала малиновое варенье.

- Похоже опять беглые у нас объявились, трое. - Встревоженно сказал участковый старосте. - Едой затарились.

- Олька рассказала?

- Да. И отец вчера с охоты не вернулся. Они в ту же сторону пошли. Мать забеспокоилась.

- Беда. А ты что, ничего не знал?

- Так я уже неделю как по деревням мотаюсь. Скорее информация только сейчас и пришла. Ладно, я в Юзино. Пошли, аппарат из саней выгрузим.

- Постой. На Юзино дорога никакая. - Староста обернулся к девочке, - Олька, как лучше ехать?

- На санях не проехать.

- Ну, тогда я верхом. - Отозвался Максимов.

- Эх, мне бы с тобой. Зорька у меня - огонь. В двоим мы их...

- Я тебе поеду! - Тут же отозвалась Клавдия. - Куда ты со своим радикулитом! Два дня как с постели встал. Отъездил уже свое.

- И правда что... - староста тяжело вздохнул.

- Ничего, один справлюсь, - участковый похлопал старосту по плечу.

- Олька, беглые, как они выглядят?

- Не знаю, мать меня у соседки спрятала.

- Ладно, разберусь какнибудь. Ну, мне пора.

- Постой-ка. - Староста поманил Максимова в свою комнату. - У тебя к ТТ две обоймы?

- Две.

- Маловато.

- А что делать? Сколько есть.
- Ты вот что, прости уж меня, - староста выдвинул нижний ящик комода и достал сверток,
- вот, хранил... так, на всякий случай. А случай и представился.
Инютин развернул белую тряпицу и протянул участковому наган и мешочек патронов.
- Ну, Петрович, ну ты даешь!
- Как говорится - Тяжело в деревне без нагана!
- Ладно, спасибо. Если что - оформлю как находку и добровольную выдачу. - Непонятно было, шутит участковый, или говорит серьезно. - У вас почта когда?
- Завтра.

- Мне писать некогда, а ты отправь завтра начальнику милиции в Юзью записку - напишешь - что да как... это я про беглых, и чтоб меня не теряли.

- Сделаю, - лицо старосты просветлело.

- Ну, прощайте, - Максимов оделся, закинул за плечи вещмешок и вышел.

Староста помог взнuzдать Султана под седло. Максимов вскочил на коня, помахал Инютину рукой и тронулся в путь. Метель к этому времени утихла, зато мороз начал заметно крепчать, прихватывало щеки.

Дорога от деревни сначала шла полем, была проезжей, но потом на Юзино отворачивала в сторону от основного тракта и пропадала в лесу. Выяснило, полная Луна освещала путь, искрился снег, дорога по лесу была узкой. Заснеженные ели подступали вплотную, местами их пушистые ветви переплетались над головой, тогда становилось совсем темно.

Верный Султан хорошо чувствовал дорогу и выбирал ее сам. Иногда снег соскальзывал с еловых лап и с громким шорохом падал вниз. Тогда конь нервничал, и Максиму приходилось его успокаивать. В лесу снега на дороге было меньше, но следов Ольки все равно не было видно.

Вообще создавалось впечатление, что в Юзино давно никто не ездил. Максиму это могло показаться странным, хотя в бледном свете Луны действительность могла восприниматься иначе. Участковый был деревенским жителем, видел всякое, часто бывал в тайге один. От такой жизни, его чувства обострились, и Максимов мог чувствовать реальную опасность.

Пока же было спокойно, и не ощущалось взгляда со стороны. А взгляд со стороны, тем более в ночном лесу, всегда грозил опасностью, был ли взглядом зверя или лихого человека. "Кого мне бояться, некого, пусть лучше меня бояться," - так любил рассуждать Максимов в подобных ситуациях.

Мороз был градусов за тридцать, морда Султана заиндевелила, конь всхрапывал и тряс головой, чтобы избавиться от сосулек. Копыта забивались снегом и тоже обмерзли. Тогда участковый останавливался, спрыгивал с коня и прочищал их ножом. После этого какое-то время вел Султана под уздцы, даже бежал рядом, чтобы согреться.

В Юзино Максимов не был давно. Территория участкового была настолько громадной, что даже объехать ее всю не представлялось возможным. Северный Урал до настоящего времени так и остается еще не исследованным до конца.

Все же Максимов удивился и насторожился, когда слева от дороги, в густом лесу вдруг мелькнул огонек. Насколько участковый помнил, никакого жилья между Ражино и Юзино не было. Поэтому Максимов привязал коня в стороне от дороги, достал свой верный ТТ и начал пробираться в направлении огня.

Оказалось, что метрах в двухстах от дороги между елей приютилась маленькая избушка, а в ее небольшом оконце и мерцал слабый свет. Осторожно подобравшись к окну, через мутное стекло Максимов смог разглядеть человека, сидящего на корточках перед печуркой с приоткрытой дверкой. В топке весело плясал огонь, и его отсветы играли на худом и волевом лице человека.

2 глава. Встреча с каторжанином в тайге.

Участковый Максимов достал из кобуры ТТ и потянул за ручку двери, но та не подалась, была закрыта изнутри. Тогда он постучал рукояткой пистолета и миролюбиво, но громким голосом произнес: "Мил человек, пусти погреться!"

- Замерз что ли? - Из-за двери донесся глуховатый насмешливый голос.

- Чай не лето, мороз на улице.

- Заходи, - за дверью послышалось движение, дверь скрипнула, но так и осталась закрытой.

Максимов потянул дверь на себя и шагнул в избушку, взяв оружие на изготовку. У противоположной стены за буржуйкой стоял худой жилистый человек в лагерном бушлате не по росту, валенках, с поленом в руке и выжидал.

- Ты уж извини, начальник, не признал сразу. Дверь прикрой, не выстужай.

Участковый одной рукой закрыл дверь, но чтобы продеть в ручку палку и расклинить ее об косяк нужна была вторая рука. Максимов оглянулся на незнакомца и, не ставя оружие на предохранитель, опустил пистолет в кобуру.

- Не бойся, не трону.

- Еще чего. - Максимов наконец плотно закрыл дверь, - участковый уполномоченный, лейтенант Максимов. А ты кто есть?

- Человек я. - Хмуро глянул исподлобья незнакомец.

- Все мы люди. Документы есть какие-то?

- А как же. Вот, всех документов одна справка. - Незнакомец опустил полено и достал из внутреннего кармана бушлата изрядно помятый листок бумаги с фотографией и синей печатью. Добавил. - Люди да не люди.

- Это как же? - Максимов взял справку и присел на колченогий низенький табурет к печке. В свете мерцающего пламени вслух прочитал, - Иванов Сергей Петрович... осужден по сто второй... приговорен к пятнадцати годам лишения свободы... освобожден в связи с отбытием срока наказания. Да, серьезный ты, как я вижу человек. Так весь срок и отбыл?

- От звонка до звонка чалился.

- О людях все же - Как это - не люди?

- Длинный разговор.

- Откинулся когда?

- Там же написано.

- Тут цифры уже стерлись. Сам и скажи, раз разговор длинный.

- Восемнадцатого октября.

- В том году что-ли?

- Как видишь.

- Сейчас уж конец января. Все так и бродишь?

- А куда мне деваться? Некуда податься.

- А чалился где, в наших краях?

- В ваших, в Лебеде.

- Далеко не ушел. Обратно не тянет? Кличут как?

- Сирий, - усмехнулся каторжанин, - не тянет.

- За что же тебе по сто второй, да еще на всю катушку отмотали?

- Есть за что.

- Обычно наоборот говорят - не виноват, не я, не за свое. - Участковый достал ТТ, придерживая, спустил курок и положил пистолет обратно в кобуру, но клапан не застегнул.

- Опасаешься, начальник? - Сирий внимательно проследил за участковым.

- Вот именно, опасаясь. Без осторожности в нашем деле никак нельзя.
- Это правильно.
- Ты присаживайся, ночь - она длинная.

Участковый отодвинулся от огня, а Сырый опустился на корточки у топки, пошуровал кочерёжкой и подкинул дров. Так удобно сидеть на корточках можно было научиться только в местах заключения. Максимов порылся в вещмешке и достал коробку Казбека, протянул папиросу Сирому.

Тот с благодарностью взял папиросу и сначала понюхал ее, наслаждаясь давно забытым ароматом. Потом закурил, затягиваясь с прищуром. Желваки заиграли на точеном, худом и по своему мужественном лице в красноватом отсвете пламени.

- Ты не думай начальник, я шмаль не уважаю. А вот по настоящему табаку соскучился.
- А я и не думаю.

Максимов тоже закурил, посидели помолчали.

- Ты на что живешь? - Продолжил участковый.
- Хожу по деревням, работаю за ночлег и хлеб.
- С паспортом не торопишься. Дома не ждут?
- А некому ждать, и дома нет. - Каторжанин замолчал.

Участковый не торопил, ждал, почувствовал - хочется Сирому рассказать о себе.

- Вернулся после армии, дождалась меня, в школе учились вместе. Она на заводе работала, табельщицей, и я на автобазу заводскую устроился. Поженились, комнату в общежитии дали, и жить бы да жить... - Сырый замолчал, глядя на огонь, и вдруг со злостью, резко бросил окурочек в печку. Движение рукой было настолько быстрым, что будь это удар, вряд ли на него можно было успеть среагировать.

Максимов не пошевелился, выдержал и протянул каторжанину еще папиросу. Тот взял, прикурил от тонкой лучинки и продолжил, глядя на огонь.

- Три года пожили душа в душу... ребятишек только не нажили... не дал Бог. - Сырый оторвал взгляд от огня и кивнул головой вверх. - Ну а дальше... обычная история... загуляла. Почему уж так получилось - не знаю. Друзья посмеивались, но молчали... последним узнал... В рейс ушел недели на две, а вернулся раньше, порожняком ехали. Как на крыльях летел. Машину в гараж сдал и бегом домой. Да, в магазине по пути гостинцев купил. Одним махом взлетел на свой этаж, открываю дверь в комнату... А там... - Сырый тяжело вздохнул и продолжил. - Кто в меня тогда вселился... не знаю... когда опомнился, все уже кончено было... Так вот... Сам в милицию пошел... Получил по полной.

- Жалеешь?
- Сколько лет с тех пор прошло, а все тем днем живу...
- Наделал делов.
- Что тебе сказать... Только не знаю, как бы я поступил по другому... любил ее очень.
- Это что же за любовь такая?
- Моя... и она моей была... Под вышкой ходил, да доктор хороший попался... Может и не надо было...

- Адвокат? Повезло, не часто так случается.
- Пусть. Теперь вот живу с этим, а как?
- Значит испытание тебе такое. Срок мотать еще не все.
- Теперь понимаю... А тебя, начальник, что в ночь в тайгу понесло?
- Трое в Юзино появились, похоже беглые, местных обобрали и дальше на север подались.

Не встречал?

- Нет. А в Юзино бывал, калымил. Там и жителей-то почти не осталось.
- Да. Раньше недалеко леспромхоз был, работали люди. А теперь...

- Если и встретишь кого, то нашего брата - каторжанина, кому и податься некуда. Топчешь зону, топчешь, о воле мечтаешь. Вот она воля! - Сивый повел вокруг себя жилистой рукой, и опять этот жест получился резким, неуловимым. - А я думаю иногда - может у хозяина и лучше?

- Ну это тебе виднее, тебе решать. Только в зону так просто не пустят.

- То - то и оно, но ни душегубцем, ни вором быть не хочу.

- Вот это правильно. Я вот тут, на шконку присяду, а то уж больно табуретка неудобная, ноги совсем затекли.

- Садись, садись, шконка знатная, не лагерная. А я за печкой посижу. Ты когда дальше?

- А давай мы с тобой чая заварим, и в тормозке у меня есть что перекусить.

- Перекусить это можно. Вот чай не уважаю.

- Знаю. На чифирик подсел?

- Не угостишь?

- Держи! - Участковый извлек из вещмешка пачку чая и передал Сирому.

- За это спасибо. В деревнях, сам знаешь, настоящего чая нет. - Каторжанин вышел из избушки, набил в закопченный чайник снегу и поставил его на печку. Снег, прилипший снаружи чайника, тут же таял, превращаясь в воду. Вода стекала на раскаленную печку и с шипением превращалась в пар, поднимающийся вверх. Снег же внутри чайника пока таять не спешил.

- А я уж себе заварю отдельно, начальник. Не против?

- Давай. - Этот каторжанин понравился Максиму, но чем, он и сам пока не понимал. Может своей внутренней уверенностью, закалкой воли. Перед ним сидел душегуб. Но свой срок он уже отсидел, перед законом был чист. А то, что жил в тайге, бродил по деревням, не имея постоянного места жительства, было конечно нарушением. Но участковый никогда не был формалистом и старался понять любого человека, войти в его положение.

Пирожки Клавдии подогрели на печке, и они, как говорится, только пискнули. Кроме них Максимов достал хлеб, шмот сала, луковицу, правда подмороженную, но вполне съедобную.

Закипел и чайник. Максимов насыпал в алюминиевую кружку заварки и залил кипятком. Сирый же занялся приготовлением своего особого напитка. Да и напитком его вряд ли можно было назвать.

- Кореш у меня был, Краюха. - Похоже Сирый начал новый рассказ. - Должен был раньше меня откинуться... да видимо не судьба.

- А что за погоняло?

- Любил делить все поровну. Если хлеб - так накромят, до грамма, весов не надо. - Сирый улыбнулся, добром вспоминая кореша.

- А случилось что?

- Не смог за него вступить, не успел. Братанами были. Он больше за правду стоял... Сам ведь знаешь, многим эта правда не нравится.

- Знаю.

- Вот ты, за правду?

- Скажешь.

- А Гунявый тот... В общем поймал Краюха его на воровстве... ну и...

- Гунявый?

- Так и звали его, смердило от него еще... вот если и... отомщу за кореша.

Сирый говорил и говорил, маленькими глотками отпивая чифир, глядя на огонь, играя желваками скул. И похоже рассказывал свою лагерную жизнь даже не участковому, а самому себе. Максимов перестал задавать наводящие вопросы, сначала просто кивал головой, а потом старался не уснуть.

В какой-то момент участковый поймал себя на том, что в избушке стало тихо и похолодало. Максимов встрепенулся и открыл глаза: "Все же задремал!" Печка заглохла, он был один, а Сирый пропал. Участковый зажег лучину и осмотрелся. Пропала коробка папирос и пачка с чаем: "Пусть, не жалко для человека, он же тоже человек, пусть и каторжанин." Во сне Максимов оперся на вещмешок, и взять его было невозможно. Рука скользнула к кобуре, пистолет был на месте. Вот только кобура оказалась застегнутой.

"А ведь я так и не застегнул кобуру. Сирый? Застегнул мне кобуру?" - Максимов отругал себя, достал ТТ и пересчитал патроны. Они были на месте. Скрипнула дверь от ветра. Участковый вышел в темноту, до рассвета еще было далеко.

К месту, где был привязан Султан, вели следы Сирого. "Надо же, и Султан не подал знака, увидев чужого человека, не разбудил. И Сирый не увел коня. Куда каторжанин мог пойти ночью? Почему не дождался утра?" - Максимов сел на коня и поехал в Юзино. Это была только его первая встреча с Сирым.

3 глава. Происшествие в таежной деревне.

Любил участковый Максимов таежный лес зимой пожалуй больше чем летом - ни комаров, ни прочей надоедливой мошки, и дышалось морозным воздухом легко. Холод? А что холод, прыгнул с саней и пошел или даже побежал рядом - согреешься быстро. А какие ночи в зимней тайге! Никого тут нет, и бояться некого.

Нет людей в тайге на сотни километров! Зверь? Так и он не дурак чтоб бросаться на человека, только уж по крайней нужде. Вооруженный человек для зверя тем более опасен, лучше его обойти стороной и поголодать еще, дожидаться более легкой добычи. Максимов остановил Султана, верного коня, и прислушался, прислушался к тишине ночного притаившегося леса, замершего в ожидании. Тихо кругом.

Султан пофыркивал, перебирал копытами от нетерпения. Ему бы поскорей в стойло, да подзаправиться сеном, а еще лучше овсом. Но до деревни надо еще добраться, а хозяин почему-то не спешил.

Максимов зачарованно смотрел в прогал между заснеженными елями на кусочек темного неба. Небесный свод был неоднородным, глубоким, не просто черным, с оттенками. И там, далеко от Земли мерцали звезды. Мог ли Максимов сказать, что это красиво? Вряд ли, он просто любил смотреть на ночное небо. Наконец Султан дождался, участковый тронул поводья, и конь, сам выбирая дорогу, двинулся по узкой просеке.

Максимов любил свою работу - службу в милиции, любил ездить по деревням, наводить порядок. Так он понимал свою сужбу и понимал правильно. И еще - участковый любил вот эти долгие переезды, ему и одному нравилось побыть, побыть с самим собой, наедине с природой. Своей семьей он не успел обзавестись, не торопился, да и молод еще был, а жил с родителями. Его старшая сестра была замужем.

По прежнему было темно, но ночь все же отступала - снег начал синеть, как бы сам собой наполнялся внутренним глубоким светом. Это никак нельзя было объяснить, Максимов и не пытался, просто наблюдал за изменениями и знал - наступает утро, а там и день придет, зимний, короткий, скорее всего сумеречный. Солнечных дней в тех краях зимой немного.

"Должна и деревня уже показаться, - подумал Максимов про себя, но просека петляла и петляла, лес не заканчивался, - уж не заблудился ли я, свернув в темноте не туда?!" Проторенные узкие дороги в тайге встречались не так и редко, здесь велись лесоразработки. Но Султан все же вывел правильно - тайга расступилась, и среди редких деревьев показались низенькие заснеженные покатые крыши, освещенные утренним Солнцем, по зимнему холодным.

Больше всего радовало то, что из труб поднимался дым, и запах жилья, а значит и тепла, ощущался даже на расстоянии и радовал. Султан прибавил хода, а участковый тем временем пересчитал дымящие трубы и невесело вздохнул: "Поубавилось жителей в Юзино после моего последнего приезда. Сколько я здесь не был? Пожалуй года два."

Максимов ехал по единственной заснеженной улице деревни к центру между пустующих домов, провожающих его пустыми провалами окон. Как будто укоризненные взгляды смотрели участковому в спину. "Где же Наста живет, мать Ольки?"

В центре деревни между домами, в которых жили люди, были протоптаны тропинки. Одна из тропок спускалась к реке и выходила к проруби, укрытой сверху балаганом, сооруженным из досок. Здесь жители брали воду для своих нужд. Максимов прыгнул с коня, привязал его к ближайшей изгороди и по наиболее протоптанной тропинке подошел к дому, выглядевшему получше остальных.

Дверь навстречу участковому открылась и на высокое крыльцо вышла молодая женщина в накинутах полушубке и валенках.

- Максимов?

- Я. А ты Настасья Ванютина?
- Да, Настой кличут. За старосту сейчас в деревне. Заходи.
- Мне бы коня пристроить, да накормить с дороги.
- Сейчас. - Женщина обернулась и крикнула в сени. - Вань, участковый приехал, помоги с конем.

Из дома выскочил шустрый мальчонка лет двенадцати, поздоровался и отвел Султана в сарай.

- А накормить-то есть чем? - Спросил Максимов у Вани.
- Есть, как же. Не думай, все как надо сделаю.
- Ты что не в школе?
- Каникулы были, а потом вот отец... пропал. Некогда мне теперь.
- Так что, в интернат не поедешь?
- Нет. Потом нагоню. Мать сейчас как оставишь?
- Тоже верно.
- Олька до Ражино добралась?
- Дошла, раз я здесь.
- Ну, ты иди к матери, я сам.
- Шустрый ты. Чужих не испугался?
- Нет, что они мне.

Максимов поднялся на крылечко, отряхнул унты и через сени прошел в дом. В избе было тепло, пахло свежее испечённым хлебом и еще чем-то вкусным, мясным.

- Есть будешь?
- Буду. Что случилось-то у вас?
- А ты быстро приехал.
- Так я как раз в Ражино был.
- Все самогонщиков гоняешь?
- Их тоже. А ты что Ольку одну отправила?
- Больше некого, одни старики да старушки у нас остались.
- Ваньку бы отправила, мужик все таки.
- Вот именно - какой - никакой, а мужик. При доме должен быть. Один вон, как ушел, так и сгинул. - Неуважительно отозвалась Наста о своем муже.
- Ты что о муже так?
- Неделю пьет, неделю на печи лежит, на неделю в тайгу уйдет... в свое удовольствие живет.

- А ты приструни его.
- Ага, его приструнишь.
- Ты, и заставить не могла?
- Где мне.
- Пьет много?
- Пока все не выпьет... Ты участковый не думай, аппарата у нас в деревне нет. Брагу ставим. Тебе с устатку налить?
- Потом. Ты мне про тех троих лучше расскажи.
- Расскажу. И еще про одного расскажу, рано утром сегодня забегал. Как намазано у нас чем.

- Про Сирого что ли?
- Ага. Сказал, что ты скоро придешь.
- А он куда подался?
- Все туда же, за теми же, троими.
- Ему зачем?

- Рассказала ему о них. - Наста озадачилась. - А что, не надо было?
- Да нет, ничего... И что Сирый?
- Знает он одного.
- Из беглых этих? А они точно беглые?
- А то, у меня глаз наметанный. Много их через нашу деревню проходит, зон в округе сколько. Да, Гунявый того зовут.
- Это которого Сирый знает? - Максимов насторожился.
- Его, его... уж очень от него воняет, как... тухлой рыбой.
- Сама что думаешь?
- Ничего... Терки у них какие-то. Сирый аж затрясся весь. За ними и пошел.
- Куда они подались?
- Те первые? Вроде как на Дюлино... Ладно, ты есть-то будешь?
- У вас же самих есть нечего... Олька сказала обобрали вас.
- Сколько могли, забрали. Да им втроем много и не унести, доходяги. А мы прокормимся. Ванька вон, на петли наловчился зайцев ловить. Я с утра щей наварила. Хлеб испекла.
- Ну тогда давай.
- Хлопнула дверь, пришел Ваня.
- Знатный конь у тебя, участковый.
- А то. Казенный.
- В милиции всем таких дают?
- Только тем, кто бандитов ловит.
- О, я тоже в милицию пойду.
- Пойдешь, пойдешь. Только выучиться сначала надо.
- И есть хорошо. Садись. - Мать налила сыну большую тарелку щей. - Кормилец наш.
- А папка ваш давно ушел?
- Давно.
- Тоже на Дюлино?
- Да нет. Избушка у него в той стороне, - Наста замолчала, потом махнула рукой, - на лося пошел... И не смотри на меня так. Если бы завалил, всей деревне до лета бы хватило.
- До лета... - Максимов покачал головой и вздохнул. - Ружья за твоим мужем не значится.
- А ты знаешь?
- Знаю!
- Петра это ружье...
- Было Петра... Попова, покойничка. Так это ружье сдать надо было давно... Незаконное оно!
- Это ружье деревню кормит.
- Эх, что с вами говорить. - Участковый уткнулся в тарелку.
- А Наста, воспользовавшись моментом, зачерпнула поварешкой из чугушка горяченьких щей, подцепив кусок зайчатины побольше, и, не спрашивая, добавила Максиму в тарелку, подмигнув Ване. Тот понимающе улыбнулся.
- Все же как думаете, - участковый обратился к матери и сыну, доедая щи, - зачем беглые в сторону Дюлино пошли?
- Дайкино золото ищут, - выпалил Ваня, для убедительности добавив, - и нечего думать.
- Сказки это и только! - Наста воинственно махнула поварешкой.
- Слышал я про это золото, слухи одни, - добавил Максимов. - А вообще мне все равно туда, в Дюлино. О Матвее не слышно?
- Нет, давно не приходил вечный дед, сидит у своего источника. - ответила Наста.
- И живую воду пьет? - Усмехнувшись спросил Максимов.

- Не знаю. Только об этом деду еще моя бабушка рассказывала. Ладно, Ваня сходи проверь, как там баня? Я сегодня стирку затеять решила. Участковый, - игриво обратилась Наста, когда сын вышел, - в баньку не желаете перед дорогой?

- Некогда мне. Пора.

- Сегодня все равно до Дюлино не доберешься, и коню роздых нужен. Не в тайге же тебе ночевать.

- А заимка твоего мужа где?

- Не ближе Дюлино. Дед Матвей расскажет, как найти. Так что, остаешься?

- Баня готова, - Ваня прибежал с улицы, - пошли, покажу что, да как.

Баня по черному протопилась на славу. Максимов с Ваней попарились от души, Ваня ушел первым. А когда и Максимов собирался вернуться в дом, к нему заглянула Наста.

4 глава. О бане и женщине.

- Лейтенант, не помешаю?
- Не помешаешь, заходи. Ну и баня у тебя, славная!
- А я? - Наста повесила полушубок на гвоздь и осталась в рубахе. - Компанию не составишь?
- Нет. - Максимов придирчиво посмотрел на хозяйку и хмыкнул, улыбнувшись.
- Так сразу и нет. Что, не глянулась?
- Глянулась. Только...
- А ты не бойся, никто не узнает.
- Я и не боюсь. Тебе и так есть с кем париться.
- О-о-о! Ты про мужа что ли?
- И про него.
- Так от него толку никакого.
- И в бане тоже? - Максимов засмеялся. - Это вы уж сами разбирайтесь.
- Эх, не везет мне с мужиками, - расстроилась Наста. - А ты что, такой праведный?
- Праведный, неправедный, только какой же я, представитель власти, пример людям подам, если с чужой бабой в бане париться буду?
- Э-э! А на каких это людей ты намекаешь?! Где они, люди-то? - Наста открыла дверь на улицу и крикнула, - А-у-у! Люди! Идите-ка, на праведника посмотрите!
- Закрой, закрой дверь-то. Не лето.
- Так пойдем, веником так пройдуся, что жарко станет. Да и мне бы поясницу как следует пропарил, сорвала недавно.
- Вот мужа твоего найду, он тебя как следует и попарит, все косточки сразу на место встанут.
- Максимов, а ты сам-то, мужик ли? Может только властью своей прикрываешься?
- Не проймешь ты меня этим.
- В прошлом году агротехник по нашим краям ездил. Вот он настоящим мужиком был.
- А вы, бабы, только так мужиков и меряете? Потом и про меня, участкового, тоже всем будешь рассказывать? А перед Ванькой, сыном, не стыдно?
- А он ничего не знает. - Наста скинула рубаху и, сверкнув голубыми глазами, пробежала из предбанника в парную.
- В ответ Максимов схватил запаренный веник и со всего маху хлестанул вдогонку назойливую хозяйку по мягкому месту, затем оделся и пошел в дом.
- Ванька сидел на приступке у печки и прилаживал к ведру отвалившуюся ручку.
- Не остался с ней?
- А она что, со всеми так?
- Нет, больше болтает.
- И про агротехника?
- Не знаю. - Ванька усмехнулся. - Я ей не сторож. Мужиков здесь не осталось. Вот она и...
- Понятно. А отец как же?
- Не отец он мне.
- Вот как?
- Так вот, - Ванька не по детски вздохнул, к тому же поправленная ручка никак не вставлялась в проушину.
- Дай-ка, я. - Максимов взял у мальчишки ведро, подогнул ручку и вставил ее на место.
- Вот, на. А Оля как же, чья дочь?

- Его, этого. Только толку от него никакого. Мать думала - какой - никакой мужик в доме будет. Да наверное уже десять раз пожалела.

- Значит вы брат и сестра по матери?

- Получается так.

- Все же он охотник, семью кормит.

- Это у него не отнимешь. Только напрасно она ему про Дайкино золото рассказала. С той поры - или пьет, или шатается по тайге.

- Золото ищет?

- Чеканулся совсем.

- А ты сам-то веришь в это золото?

- Верю. Отец мой тоже из-за него сгинул.

- Странно. А что за золото? Жила золотая?

- Нет, я еще маленьким был, мой отец рассказывал - пещера есть, а там видимо невидимо самородков и фигурок золотых.

- Фигурок?

- Вот. Дайка здесь еще в древности жила. А потом местные молились на нее. Золото ей несли. Она до сих пор его охраняет. Чужих не пускает.

- А что за фигурки-то?

- Дайка, из золота отлитая. Отец мой тогда и построил заимку, чтобы охотиться и пещеру искать.

- А Олькин отец, тоже в эту заимку ходит?

- Тоже, только толку никакого.

- А у твоего отца что, толк был?

- Был... - Ванька задумался, а потом махнул рукой, - ладно уж, скажу, ты у нас начальник, милиционер. Принес отец один раз самородок, а может и фигурку, мне ее не показывали близко. Потом продать решили. Отец в округ уехал, вернулся грустный - ни золота, ни денег.

- Обманули?

- Не знаю что. Долго с матерью шептались. Потом отец опять в тайгу ушел...

- И что?

- Не вернулся больше.

- Теперь и Олькин отец...

- Все может быть.

- Как же заимку эту найти?

- Дед Матвей знает.

- Он и Олькиному отцу показал где она?

- Он, больше некому.

- А эти беглые? Они откуда про золото знают?

- Не говорили. Одно спрашивали - как до Дюлино дойти. Не говорили про золото, только один из них шепнул тому, вонючему - там оно, Дайкино золото.

- А Сирый? Долго у вас был?

- Нет, ночью еще пришел, у нас в деревне работал. Мать ему и рассказала про тех троих и про вонючего.

- Про Гунявого?

- И про него. Еще пошутила - братаны твои были.

- А ему про золото рассказывали?

- Нет. Только мать еды с собой дала. Просила помочь сарай поправить.

- А он, Сирый?

- Заторопился вдруг, сказал - когда дело сделает, вернется и починит. Крыша у нас проваливается. Как бы от снега совсем не рухнула.

- Дело сделает... - Максимов задумался про себя, а вслух сказал, - ты снег-то с сарая сбрось. Смотри только, осторожно, не провались.

- Знамо дело.

- Я смотрю, дрова у вас только напилены. Колотых совсем мало осталось.

- Топорище у колуна сломалось.

- А другого топора что - нет?

- Пойдем-ка посмотрим пока мать в бане, может что и придумаем.

- Ей еще надо воды натаскать, стирка у ней.

- Пошли, пошли, разберемся.

В общем топор Максимов починил, выстругал новое топорище, пусть и неказистое, дров наколот. Между делом с Ваней таскали и воду с реки в баню. Пришлось помочь и белье отжечь. Тут уж было некогда отворачиваться от раскрасневшейся Насты. А она все же стреляла глазами в сторону Максимова. Деревенские бабы могли справиться с любой работы, но мужицкие руки были сильнее, а в чем-то и ловчее.

Успел Максимов и обойти жителей деревеньки, посмотрел как они живут, заглянул в домовые книги. Обновил данные, отметив убыль немногочисленного населения. А убыль, хотя и можно было ее причислить к естественным причинам, все же была по всяким горьким поводам. Мало люди жили на селе. Дожить до пятидесяти лет считалось за счастье.

Стемнело, за работой день пролетел незаметно. Поужинали утренними щами с зайчатинной и легли спать. Ваня залез на полаты, там было его место и теплее. Максимов расположился на широкой лавке у печки. Наста дала ему тюфячок, а под голову худенькую подушку. Укрылся он своим полушубком и уснул сразу.

А ночью проснулся от вздохов и всхлипываний, доносившихся из-за занавески, где спала Наста. Не утерпел и босой прошел к ней по студеному полу. Женщина услышала его осторожные шаги, встрепенулась, но потом отвернулась к стене и уткнулась лицом в подушку.

- Ты прости меня, Наста, - прошептал участковый, присев рядом на край кровати.

Женщина затихла, а потом повернулась к Максиму.

- Что ты! За что? - Горячим шепотом ответила женщина. - Это ты меня прости... за то, в бане.

- Я понимаю. Но не могу я вот так, просто так...

- А у тебя есть кто?

- Нет. Я ведь после восьмого класса из Юзвы в школу милиции уехал. А там... Не получилось у меня ничего.

- Девушка была?

- Была... к другому ушла.

- Тебя... такого... и бросила? Мне бы...

- Подрался я из-за нее. Она того, другого, и пожалела. А меня... в общем отчислили, не доучился. Вот и вернулся обратно.

- Как же ты в милиции работаешь?

- А кому работать? Некому. Начальник милиции в Юзве и так рад был, что я вернулся, взял участковым, даже без образования.

- Ничего, встретишь ты еще свою... не переживай. А я... не думай обо мне плохо... я ведь не такая. И мужа своего... и первого, да и второго... любила.

- А я и не думаю, - Максимов любил так отвечать на трудные вопросы. И сам спросил - А что ж ты о своем теперешнем муже - любила?

- Пусто как-то стало...

- Да что ты... жив он, - Максимов, как мог, пытался успокоить женщину.

- Не знаю, не верю - Наста ткнулась лицом в ладонь участкового и заплакала. Ее слезы были горячими и наверное по-настоящему горькими... - Спасибо тебе.

- За что?

- Хороший ты, пожалел меня...

- Вставай, пора, - Ваня толкал Максимова, крепко уснувшего уже под утро. Участковый долго ворочался на неудобной лавке и вспоминал, как учился в школе милиции и свою первую любовь, закончившуюся так несчастливо.

- Что, пора? - Максимов сел на лавке, разминая затекшее тело.

- Пора, пора, до Дюлино путь неблизкий, - отозвалась Наста, суетившаяся у печки. - Вань, коня запрягай. А вот в дорогу тебе наготовила. Уж не взыщи, что было. Вот тут деду Матвею отдельный гостинец, он это любит.

Участковый плеснул в лицо холодной водой из рукомойника, чтобы быстрее проснуться, быстро оделся, закинул за плечи вещмешок и поспешил во двор. Наста накинула платок, полупубок и, сунув ноги в валенки, вышла следом. Там уже ждал Ваня с оседланным Султаном.

- Едь напрямую через речку мимо проруби, где вчера воду брали, дальше возьмишь левее и попадешь на дюлинскую дорогу. Так спрямишь, быстрее будет. - Посоветовал Ваня, держа коня под уздцы.

- Понял.

Наста стояла в стороне и молчала, стесняясь подойти к Максиму. Он сам обнял и поцеловал ее: "Жди. Мужа жди!" Женщина молча помахала на прощание рукой.

Спящее Юзино осталось позади, Максимов пересек по льду речку. Султан застоялся и все норовил пуститься вскач, но хозяин сдерживал его. Было еще темно, тропки почти не видно. - Луна спряталась за плотным одеялом облаков.

Максимов еще вспоминал Насту, немного странную, Ваню, рано повзрослевшего, но его уже больше занимал поиск беглых и таинственной пещеры с золотом. Правда был еще и дед Матвей - вечный дед и пропавшие мужья Насты, и Сирий, жаждавший мщения за своего названного брата Краюху.

5 глава. Опустевшая деревня и вечный дед.

День все больше клонился к вечеру, начало быстро смеркаться, а деревня все не показывалась. Никакой дороги до деревни давно не было, так, еле заметная тропка в снегу. Только это и радовало Максимова - наверняка здесь и прошли беглые каторжане и Сирий, обуянный неистощимой местью за друга.

Участковый имел карту - километровку, компас - не заблудишься. Но Максиму было непонятно: "Как каторжане шли на Дюлино? У них - то ничего нет, по крайней мере не должно быть. Угадать занесенную дорогу зимой невозможно! А двигались беглые уверенно, словно знали местность." Пока это было отнесено Максимовым к загадкам.

Крайний дом показался сразу и вдруг - на фоне снега, все более отливающего синевой, возникла бревенчатая стена, и окно, пустое, черное, тоскливо смотрящее в сторону леса, на опушку которого вышел участковый. Максимов не торопился, спрыгнул с коня и держался в тени леса, за снежными лапами елей.

Протоптаный след уходил в деревню, там было тихо, вообще не доносилось ни звука от человека, или животного. "Хотя бы ворона каркнула, и то веселее было. - Подумал Максимов, привязал Султана к дереву и погладил по гриве. - Тише, стой здесь, жди. - Конь недовольно мотнул головой и всхрапнул. - Служба у нас с тобой такая, ждать, да догонять. А я вот здесь опушкой, со стороны огородов проберусь. Хотя какие здесь огороды. Похоже нет никого в деревне и давно уже. Где мне этого деда искать?"

Дюлино только называлось деревней, скорее это был хутор, где когда-то жило несколько семей, державших коров и поставлявших мясо в округ. Но когда это было, никто толком и не помнил. Жители - кто умерли, кто разъехались в еще живые деревни. До последнего времени здесь оставался только Матвей - вечный дед, как его звали. Но и он уже года два, как говорили жители Юзино, ближайшей деревни, тоже не показывался. "Вечный - то он вечный, только как это? - Подумал Максимов. - Не может такого быть."

Участковый пробрался на хутор и притаился за развалившимся сараем дома, ближнего к лесу. Тихо, не было здесь никого. Но на всякий случай Максимов достал из кобуры пистолет. Сталь холодила и успокаивала. Место для наблюдения за сараем было удобным, отсюда было хорошо видно все пять домов хутора. Они также были с мертвыми, пустыми глазницами окон.

Максимов был терпелив и выжидал. "Не торопись, кто его знает, что в этом Дюлино. Лучше обождать." - Говорил он себе, стараясь не переминаться с ноги на ногу. Рука, державшая ТТ, замерзла, но лучше было мерзнуть, так было надежнее.

Стемнело окончательно, но темные остовы домов все еще виднелись. Максимов всматривался в них, но нигде не заметил огонька, дымка: "Все же беглые если и были здесь, то прошли дальше. А где же дед Матвей тогда? Его тоже нет на хуторе, это точно."

Все же оставаясь настороже, участковый обошел дома, подсвечивая себе фонариком. Беглые тоже прошли по домам, оставшимся дворовым постройкам, но вряд ли нашли для себя что-либо ценное. Хутор был разграблен наверное давно, еще когда ушли люди. Протоптанная тропка уходила дальше в лес и терялась в тайге. "Знали куда идти и торопились. Как будто что-то гнало их вперед. - Размышлял Максимов. - А что? Золото! Что же еще больше."

За средним домом сохранилась баня с еще целой крышей из теса. Правда дверь в баню висела на одной петле, но это было ничего, не беда, можно было как-то закрыться изнутри. И баня оказалась не с очагом, а с печкой и трубой. Можно переночевать, а чем топить - не проблема, разного хламу было вокруг полно.

"Вот только чем Султана накормить?" - подумал Максимов, приведя коня из леса и привязав его рядом с баней. Но и этот вопрос решился - участковый приметил недалеко стог сена, правда сено было уже старым, даже подгнившим. "Чем богаты, тем и рады, ты уж не взыщи,

ладно, - обратился он к своему другу, принеся несколько охапок, - потом, дома отъешься. А чтоб тебе веселее было, вот." И Максимов отсыпал из притороченного к седлу мешка немного овса, припасенного еще из Юзвы.

В бане было тепло, в печке весело трепетал огонь, потрескивали дрова. В котелке закипала снеговая вода, и пачка с чаем еще оставалась, другая, вторая. "Эх Сирий, Сирий, утащил таки чай и папиросы. Но ладно, не жалко. Не плохой ты в общем человек. И встретимся мы с тобой. А запас курева у меня еще имеется. - Так рассуждал Максимов, нарезаая хлеб, сало, и удивился, обнаружив в тряпице пирожки с картошкой. - Ох и Наста, когда успела?! Хорошая хозяйка, и баба ладная... жаль... не моя... А почему не моя? Нет, не моя, чужая." С этой мыслью Максимов и уснул, подбросив дров в печку и растянувшись на полке.

- Ну здравствуй, странник. - Голос прозвучал неожиданно, но с другой стороны и ожидаемо. Только не так Максимов представлял деда Матвея, все же никак вечного деда. Не верил участковый во всякую чертовщину, впрочем как и в Бога. - Спи, спи, не тревожься, не помешаю.

Максимов хотел ответить, но не смог, хотя слова так и просились, и придумывать их не надо было - не слова, вопросы.

- Не веришь, и не надо. Не надо веры никакой, завтра увидимся. Как меня найти? Ноги доведут, сами, не твои, коня твоего. Уж больно он хорош у тебя. Такой же у меня был, давно, когда-то. И не помню уже когда. Может твой конь и есть мой. Кто его знает... Неисповедимы пути. Чьи? И твои, и мои, и многих еще. Все мы идем и идем. Нельзя стоять, нельзя останавливаться. Пока идешь - живешь.

- Ты где?! - Наконец смог выкрикнуть Максимов и вскочил, больно ударившись головой о низкий потолок бани. - Сон еще не прошел, голос деда, а это был он, Максимов не сомневался, звучал в голове. Но и явь нового дня уже брала свое. В крохотное оконце бани, которое вчера Максимов заставил осколками стекла, уже пробирался свет нового дня.

"Где он? Это был сон? - Максимов оглянулся и конечно никого не увидел. - Сон. - Участковый улыбнулся и поежился от сна и холода, дрова давно прогорели. - Приснится же такое. Ладно, надо собираться в дорогу. Как он мне сказал? Пока идешь - живешь. А ведь хорошо сказал. Однако проспал я - светло уже. Пора и дальше, к деду. Вот только где его искать? Где? Конь сам найдет. Ну что ж. Посмотрим. Может надо и снам верить.»

6 глава. Незамерзающий источник и вечный дед Матвей.

Тропинка, протоптанная беглыми каторжанами, уходила из деревни и скрывалась в лесу, Максимов пошел по ней настороже, ведя коня в поводу. Всякое можно было ждать от этих людей, или уже нелюдей. "Где вообще лежит грань, или черта между человеком и преступником. ведь он так и называется, потому что преступил невидимую черту и встал на извилистую тропку, заканчивающуюся рано или поздно только одним - наказанием." - Так можно было описать мысли участкового, пробирающегося по лесу.

Скоро следы беглецов вывели на поляну, где между каторжанами что-то произошло. По следам было видно, как они не знали, куда дальше идти и метались то в одну сторону, то в другую. Участковый увидел даже несколько красных капель на снегу: "Да-а, видимо здесь произошла драка, а скорее просто наказание одного из беглых, проводника, не знавшего куда идти дальше."

На поляне снег был вытоптан, но все же следы уходили в лес. "Вот только куда? Что же все-таки искали беглые в тайге, забираясь все дальше на север, где и жилья-то никакого уже не было. - Размышлял Максимов, осматривая поляну, - И что делать мне - преследовать их, или сначала найти деда, займку мужа Насты? Никуда они далеко не уйдут, некуда дальше идти, и возвращаться обратно будут по своим же следам. Сначала надо разыскать деда."

Между тем Султан явно не проявлял никакого интереса к следам беглых, а порывался пойти левее, где, как казалось, была непроходимая чаща. "Конь знает," - вспомнил Максимов слова деда из ночного сна и доверился чутью животного. А Султан пробрался через колючий ельник и притих. "Что там такое?!" - Подумал Максимов и боком, пряча лицо от иголок, пролез за конем и оторопел.

За густым ельником образовалось небольшое свободное пространство, и снег на нем был истоптан животными, видимо любившими это место. Султан стоял в центре полянки, тревожно поводил ноздрями и тихо гугукал, не открывая пасти. Максимов тоже насторожился, рука уже потянулась к пистолету, но остановилась. Участковый улыбнулся.

В центре полянки из снега возвышался большой камень, словно отполированный. Султан замер у этого камня и слушал лес, прядая ушами, впитывая его запахи. И когда убедился, что в округе никого нет, наклонил голову и начал облизывать камень. "Солонец, вот в чем дело! Поэтому и животные сюда ходят!" - Разгадка притягательности этого места оказалась простой.

Максимов тоже подошел к камню, отполированному языками животных, и потрогал его рукой. Камень был холодным, оставался шершавым и соленым. Султан лизал его длинным языком, и пряный запах соли исходил от громадины. Участковый тоже полизал бы камень, но не стал, лишь провел языком по пальцам, покрывшимся солью.

Какой-то сторонний звук доносился из леса, и этот звук напомнил Максиму воду. Участковый взял коня под уздцы и с трудом отвел от камня упиравшееся животное: "Хватит, хватит, пойдем, там вода". Султан хотел недовольно заржать, но не стал и лишь прядал ушами. Пробравшись через плотный ельник, человек и конь оказались у оврага, в который спускалась тропинка, протоптанная животными, и пошли по ней.

Журчание воды становился все ощутимее. И скоро, двигаясь уже в самом низу оврага, склоны которого возвышались метров на двадцать, Максим оказался у источника, вытекающего из-под большого камня. Источник не замерзал даже в трескучие январские морозы, от него поднимался пар, а в месте, где вода вытекала из-под камня, образовалось углубление. Вода журчала, была прозрачна, и на дне ручья виднелась осока, шевелящаяся в серебряных струях.

Источник менялся, завораживал, на звенящую воду можно было смотреть долго. Максимов тоже поддался этому наваждению, и если бы не Султан, мотнувший головой, то мог и не заметить старика, неподвижно стоящего в воде, ниже по течению. Максимов вздрогнул, но как он ни был натренирован реагировать на опасность, рука не потянулась к пистолету. Быть может никакой опасности и не было.

- Матвей?

- Я, - ответил дед, одетый в домотканые штаны, закатанные выше колен, такую же рубаху, подвязанную веревкой с длинными концами. На плечи старика был накинут выдавший виды полушубок, а на голове нахлобучена шапка, из под которой опускались длинные седые волосы, смешивающиеся с бородой. Из под шапки на Максимова смотрели улыбающиеся прозорливые и добрые глаза, цвет которых определить было невозможно - то ли до деда было далековато, то ли через прищур и сеть морщинок цвет глаз менялся, непонятно как, а может его вообще не было. - Нашел меня?

- Султан привел. Ты же сказал - конь найдет. - Максимов вспомнил сегодняшний сон.

- Ноги приведут коня твоего. - Дед Матвей, опираясь на палку, попытался выйти из ручья, но его босая нога все соскальзывала с заледеневшего берега.

Максимов легко перепрыгнул через ручей и протянул старику руку: "Хватайся, помогу."

- Спасибо, добрый человек, не оставил, - дед протянул руку, она оказалась на удивление горячей, чуть ли не обжигала на морозе.

Максимов хотел помочь сделать деду шаг вверх, но получилось так, что дед сам, как легкое перышко, выпорхнул из ручья, почти не оперевшись на руку. "Ну и дед," - только успел подумать участковый, а Матвей тут же ответил,

- А ты не удивляйся.

- Как не удивляться, ты с виду вроде... слаб, прости меня, а рука у тебя вон какая крепкая, - Максимов посмотрел на свою покрасневшую ладонь, - и горячая. Ты как, не замерз там? - Максимов кивнул на ручей. - вода ледяная.

- Не замерз. Только сил набрался. Ну пойдем ко мне. - Дед так и пошел босой по снегу в сторону от ручья по небольшому распадку, поднимающемуся вверх.

- А ты что, в Дюлино больше не живешь? - Максимов пошел следом по узенькой обледенелой тропке, ведя за собой Султана. Ноги деда тоже были горячими и на обледенелой тропке за ним оставались следы, лед подтаивал.

- Нет, что там делать в Дюлино.

- А живешь где?

- Тут и живу.

- Не холодно тебе босому, мороз все же, да еще и вода ледяная.

- Ледяная? Пожалуй. Только живая она.

- Это как?

- Ты человек служивый, все тебе расскажи. А не расскажешь?

- Не хочешь?

- Вот ты какой - не расскажешь. Рассказывать нечего. Сам не знаю. Знаю только - постоишь в ручье, и сил прибавится, и лет вроде как десяток скинешь.

- Сколько-ж тебе лет? Документы у тебя какие-нибудь есть?

- Сам не знаю. А документы. Какие в тайге документы.

- Из каторжан?

- Что, заберешь?

- Тебя? Да куда мне тебя забирать? И зачем? Наста говорит ты вечный, еще ее бабка про тебя рассказывала.

- Наста баба ладная. А бабку ее... не знаю... много людей мимо прошло, всех и не запомнишь.

- А ты не здешний, пришлый.
- Как догадался?
- Говор у тебя не местный.
- Так и у тебя... не такой.
- Нижегородский я, Горьковский.
- Не бывал там. А здесь как оказался?
- Не расскажешь вот так... долгая история. Родители переехали.
- Ссылные значит.
- Угадал. Где ж ты здесь живешь?
- Тут и живу.

Максимов оглянулся, но никакого строения не заметил, а тропинка обрывалась.

- Пешерка у меня тут, в ней и живу, - дед поднялся по склону до разлапистой ели и приподнял нижнюю ветку, где чернел узкий вход, в который можно было пробраться только ползком.

- Не холодно?
- Земля греет.
- Это как.

В ответ дед только хитро улыбнулся.

- Ну да, ну да. Сам не знаешь.
- И знать не надо. Где нам умишком своим понять.
- А говоришь ты однако складно, и не для своих лет. Учился?
- Сколь живу, столь учусь. Вот ты пришел ко мне, человек образованный, при погонах...
- Какой уж я образованный... Да мне и тут хорошо, в лесу.
- А ты живи, жизнь твоя глядишь - и направится...
- Сама что ли?
- Не-е-т, само ничего не бывает.
- Знаю. Как ты говорил мне - пока живешь - иди.
- Запомнил.
- А... - Максимов хотел спросить про сон, но замолчал.
- Что?
- Нет, ничего.
- Вот видишь как. И спрашивать не надо.
- Наста тут, - Максимов порылся в вещмешке и достал увесистый тряпичный сверток.
- Ах, это... вспомнила все же. Только не надобно мне теперь.
- А что в нем?
- Ты не смотрел?
- Да нет, без надобности вроде.
- Ну, тогда себе и забирай, мне тоже без надобности.
- Только вес лишний, - Максимов хмыкнул и засунул сверток обратно.
- Может и не лишний. В дороге все содится, что вроде сначала и не нужно. - Матвей

опять хитро прищурился. - Не развернешь?

- Что? - Удивился Максимов, но тут же, сообразив, добавил, - разверну когда время придет. Так?

- Так. Быстро учишься.
- Беглых я ищу...
- На то тебе и власть дана...
- Куда они путь держат?
- Хитники-то?
- Душегубы!

- А дорога у них одна, и короткая она...
- За золотом?
- За золотом... не дается оно каждому проходящему. Не наше это золото, не людское.
- Это как? - Вопрос все же сорвался у Максимова.
- Дайкино золото, - здесь и Матвей решил что-то пояснить.
- А кто она была... или есть?
- И была и есть.

Максимов задумался, боясь переспросить - понял, речь опять о необычном, и скорее всего о необъяснимом.

- Прокляла она его, еще в незапамятные времена.
- А золото-то есть?
- А тебе оно нужно?
- Мне нет. Значит беглых мне там искать?
- Там они... И тебя дождутся.
- А ты видел этих беглых каторжан?
- Чтобы их видеть, не надо далеко ходить... - Матвей чуть отвернулся, как будто слушая

кого-то, - Загляни в ручей.

Максимов не стал переспрашивать, понял, Матвей любил говорить не просто загадками, а вопросами, ответы на которые можно было найти только самому, не только можно, но и нужно.

- А Сирый тут не пробегал? - Максимов усмехнулся. - В ручье ты его не видел?

- За Сирым поспеши, не успеешь, он душегубов догонит... не хорошо это. Его жизнь и подольше может быть. - Предвидя следующий вопрос, дед добавил, - на заимке он. Вернешься к ручью, вдоль него так и иди.

- Там же бурелом.
- С конем не пройдешь. У меня оставляй. Уж очень мне твой Амар... Султан понравился.
- Сам понимаю, по тайге на коне лазить несподручно. - Максимов тяжело вздохнул. - Там мешок с овсом приторочен.
- Не беспокойся, прокормимся.

Максимов закинул вещмешок за спину и поспешил обратно к ручью. Султан заржал, но быстро замолчал. А участковый не оглянулся и не помахал рукой - плохая примета. В приметы он верил.

7 глава. Незамерзающий источник, золото и женщина.

Возвращаться по ледяной тропинке к незамерзающему источнику оказалось непросто. Максимов то и дело поскользнулся, ноги разъезжались, чтобы не упасть, приходилось хвататься за тоненькие деревца, росшие по склонам распадка. На спуск ушло гораздо больше времени, чем на подъем.

Казалось, что за очередным поворотом появится ручей, но его все не было. "Не мог же я заблудиться. - Размышлял Максимов. - Где здесь плутать? Словно нечистая водит." Участковый от досады и злости сплюнул и сразу услышал журчание воды. Но добрался до источника все же не сразу, пришлось пройти еще несколько поворотов. "А когда я шел вслед за дедом, тропинка казалась почти прямой." - Максимов не мог понять, как так получалось.

Вот и источник, и небольшое мелкое озерко, в котором стоял вечный дед. "Ну ладно, ключ бьет из под земли, видел я такие источники, не замерзают они. Но потом почему эта лужица, где воды всего по колено, не замерзает?" - Чтобы ни говорил дед Матвей об этом источнике - мол заглянуть в него надо, Максимов не хотел терять время и решил сразу пойти на заимку.

Но когда участковый огибал озерко, пробираясь через кустарник, которым зарос берег, словно отражение, тень мелькнули в воде. Максимов остановился и обернулся. В воде отражалось только небо, голубое, безоблачное. И источник, набрав этой синевы, вдруг сам стал таким же как и небо, глубоким, бездонным. Максимов перевел взгляд вверх - там небо было низким, сплошная пелена серых облаков.

Вода опять притянула взгляд. Участковый наклонился над озерком, и у него закружилась голова, словно он стоял на краю высокого обрыва. И не было в озере ни отражения леса, ни его самого, только синева, скрывающая дно. Да и было ли там вообще дно?!

Максимов тряхнул головой, пытаясь избавиться от наваждения, но оно не проходило. Тогда он присел, зачерпнул воды в пригоршню и плеснул в лицо. Сначала обдало холодом, но потом обожгло жаром. По глади воды пробежала рябь. Максимов замер. Капли срывались с его рук и лица, падали вниз, почему-то медленно. Капля за каплей касались воды, от них круги разбегались и пропадали.

Из воды на участкового смотрел человек. "Это же я, это мое отражение!" - Кричал разум, но Максимов не мог узнать себя. И в этот момент шепот деда, как в том прошлом сне, возник из ниоткуда: "Это ты, ты заглянул в свое будущее." Максимов увидел знакомые черты лица, покрытые морщинами, седые волосы, только глаза оставались по прежнему такими же.

Участковый зачерпывал пригоршнями воду, бросал себе в лицо и пытался смыть наваждение. Руки ломило от холода, лицо горело от жара, дрожь пробегала по телу. Когда вода успокоилась, там по прежнему была только синева, проявилось дно, и можно было увидеть траву, колышущуюся в ее мерном течении. Максимов наконец смог встать, тряхнул головой, поправил рюкзак, шапку и пошел дальше: "Надо же, и привидится же такое!" И невдомек было ему знать, как подействовала на него ключевая вода незамерзающего озера.

Между тем ручеек тек дальше, и Максимов пошел по его правому берегу, пробираясь через валежник. Склоны оврага постепенно разошлись в стороны, ручей набирался сил и превратился в небольшую тихую речушку. Только воды незамерзающего источника смещались с другими, и речка оказалась уже покрыта льдом. Правда идти по нему Максимов все равно опасался.

Заимка нашлась километров через пять и стояла на берегу безымянной речушки, вдоль которой пробирался Максимов. Из трубы поднимался дым: "Сирий! Здесь, не ушел еще!"

Участковый осторожно подошел к окну и заглянул в окно. Сирий сидел на корточках у печки и курил. Дверка печки была открыта, отблески пламени мерцали на мужественном лице

каторжанина. "О чем он думает? - Максимов улыбнулся и постучал в окно, - Сирый, это я, участковый, открывай!"

- Открыто, входи.

- Привет! - Максимов зашел в избушку, отряхивая снег.

- Здравствуй, начальник! Опять ты по мою душу? Прости уж меня за курево, за чай.

- Да, по твою. Только не за тем я.

- Беглых ищешь?

- По их душу. А ты?

- Прознал и про меня?

- Мир не без добрых людей.

- Добрые-то добрые. Только что, так мы и будем теперь вдвоем ходить?

- А хоть бы и так. А ты что, опять хочешь грех на душу взять? - Максимов хотел пристроиться у печки, но сидеть на корточках у него не получалось.

- И не пытайся, не получится, - Сирый усмехнулся. - А насчет греха... не знаю.

- Сомнения берут?

- За Краюху обидно. Но вот сижу и думаю - можно ли судьбу человеческую вот так решать, самому. Не мы его жизнью наградили, не нам и отнимать.

- Правильно думаешь. На то она и власть, и я есть, как ее законный представитель.

- И тебе решать не дано.

- Решает суд. Моя задача маленькая, поймать и привести.

- А я-то о другом. - Сирый кивнул головой вверх и посмотрел на Максимова.

- Я проще думаю. Поймаем беглецов, все равно Гунявому вышка. И тебе грех на душу брать не надо, и ему поможем. - Максимов тоже кивнул головой вверх.

- Я думал ты про судью.

- И про него тоже.

- Поймаем? Ты думаешь я тебе помогу?

- А Краюха как же?

- Да, обложил ты меня со всех сторон, начальник.

- Ну, ты даешь. Душу твою сберечь хочу, - Максимов удивился сам себе. - И закон соблюсти. Давай, ка лучше чаю заварим. Ты как?

- Давай, только я чифирну. Не против?

- Твое дело. Чай-то еще есть?

- Вот, куда ему деться, здесь. - Сирый достал из своего худенького сидора пачку чая. Папиросы только... мало осталось.

- И у меня... поровну будем делить. Так?

- Спасибо, начальник.

За едой и чаем разговор продолжился.

- А ты как эту заимку нашел? - Спросил Максимов.

- Что ее искать было. За Гунявым и его подельниками шел.

- А что у них за драка была? - Перебил Максимов.

- Драка? Да, третий у них совсем парнишка, очкарик... Он их и ведет... Карта у него....

А тут плутанул наверное, ну и вломил ему Гунявый.

- Ну а парнишка что?

- Покрутил свой листочек, побегал, и дальше пошли. А что они ищут?

- Золото.

- Дайкино?

- А ты откуда знаешь?

- Кто про него не знает... Не верю... А заимка? Они мимо прошли, не заметили. Я свернул. Что в тайге ночевать.

- Правильно, не уйдут.
- Верно, думаешь начальник.
- Заимка эта Настиного мужа, еще первого.
- Кольки что ли?
- Наверное, не спросил как его звали.
- Не застал его. А второго видел, босяк.
- Где-то здесь должен быть. Не видел?
- Промерзшая избушка была. А он что тут мотается.
- Браконьерит.
- Поймать хочешь?
- Да... как их ловить-то...
- Вот и правильно... еду тоже надо добывать.
- А Колька вроде нашел... то золото.
- Откуда знаешь?
- Ванька рассказал, видел самородок у отца.
- И что?
- Да что, что... продать хотел... обманули...
- Ну, это как водится. А хороший этот парнишка, Ванька.
- Взрослый.
- Хозяйство на нем. А второй этот... как его... про золото знает?
- Муж что ли?
- Да какой он Насте муж, так, приبلуда.
- Знает. Только никто не знает, где Колька самородок взял.
- Тоже на ржавье потянуло?
- Золото и есть золото.
- Так, оно.
- И у тебя, Сирый, смотрю глаза заблестели?
- Заметил?

Максимов промолчал, а Сирый перешел на другое.

- Тебе Наста как?
- А тебе что?
- Есть интерес. Глянется она мне.
- Ладная баба... все равно замужем.
- Это делу не помеха. Ты с ней как?
- Да, никак.
- Женатый?
- Нет.
- Что так?

- Долгая история.

- Ладно. Не буду в душу лезть, начальник. Если что, я бы у нее прижился.

- Давай сначала найдем беглых и этого, босяка! - Максимов что-то раззадорился и уже тише добавил. - Потом решать будем.

- Договорились. Ты первый спать ложись, я у печки подежурю. Кобуру не расстегивай. - Усмехнулся Сирый, вспоминая первую ночь.

Разбудишь, - Максиму было неприятно вспоминать тот случай.

8 глава. Непроходимая граница в тайге и Дайка, хранящая золото.

Серая пелена сначала была плотной и даже липкой. Пробираясь через нее приходилось с трудом - перехватывало дыхание, и холодные капли катились по лицу. То ли это были капли тумана - поэтому и дышалось так тяжело, то ли пот застилал глаза, и сердце билось, подступая к горлу.

Но вот туман не то чтобы начал редеть, а стал суше, и Максимов наконец смог вздохнуть полной грудью, правда тихо, боясь снова растревожить успокоившееся сердце. Теперь тени деревьев мелькали по сторонам, иногда лица неприятно касались колючие еловые ветки, с них осыпался снег и попадал за шиворот, таял, стекая холодными струйками по телу. Но было не до них, не до таких мелких неприятностей.

Максимов шел и шел, и не было конца этому пути в никуда, и остановиться было нельзя, пока из серой мглы не проступило дерево. Вернее это были только остатки когда-то громадной ели. С ней что-то случилось - ствол был сломлен, просто переломлен как спичка, и верхней части не было рядом! А засохшая ель с редкими тонкими ветками зывала к невидимому небу - За что?!

Максимов остановился и не смел подойти ближе - прежде податливый туман вдруг стал упругим и не пускал вперед. А в его серости за сломанной елью почудилось какое-то движение, именно почудилось, ничего определенного сказать было нельзя. Лишь спустя несколько секунд, хотя сколько прошло времени - тоже оставалось неизвестным, из тумана показался силуэт человека, идущего навстречу.

Капли холодного пота опять заструились по лицу, рука потянулась к кобуре, но так и не смогла сдвинуться с места - повисла плетью. О том чтобы убежать, не могло быть и речи - ноги как будто вмерзли в снег. Между тем человек приближался, и стало слышно еле уловимое позвякивание в такт шагам.

Наконец, поравнявшись со сломленной елью, из тумана вышла женщина, теперь ее можно было разглядеть, и остановилась, позвякивание прекратилось. Голова женщины была охвачена лентой, с нее свисали золотые украшения, они и звенели при ходьбе. Платье касалось земли и было подпоясано широким ремнем, тоже украшенным золотом. На поясе висел и нож в кожаном чехле.

Но самое главное - лицо женщины было неуловимо, оно постоянно менялось. Лишь раскосые глаза смотрели на пришедшего, и в темноту этих просто огромных глаз можно было упасть и пропасть навсегда!

- Ты зачем сюда? - Не голос, нет - вопрос, казалось, сам возник в голове Максимова, а на мерцающем лице женщины лишь удалось уловить подобие улыбки.

Максимов не мог открыть рта, тем более что-то сказать, только понимал - от этого вопроса зависит его жизнь. Участковый попытался качнуть головой из стороны в сторону, что должно было означать: "Нет! Не я... не к тебе!" Но из этого тоже ничего не получилось. И в этот момент его кто-то сильно схватил за плечо и затряс.

- Эй, начальник! Ты чего?! - Издалека донесся знакомый голос. А потом Максимов услышал более требовательное - Просыпайся! Просыпайся!

Максимов с трудом пришел в себя и открыл глаза.

- Сирый... ты?

- А кому тут быть? Приснилось что?

- Это что, - Максимов все никак не мог прийти в себя и понять, где находится, - это был сон?

- Тебе лучше знать.
- Я что, кричал?
- Еще как.

Участковый поднялся сел на лавку, на которой спал, и затряс головой.

- Бывает же, - Максимов невесело хмыкнул. - Налей-ка мне кипяточку.

Сирий через рукав бушлата поднял с края печки попыхивающий чайник и налил кипятка в кружку. Максимов бросил в нее щепотку заварки и прикрыл чистой тряпицей.

- В тайге всякое бывает. - Отозвался Сирий.
- Я долго спал?
- Часа два. Ложись еще.
- Уже не усну.
- Тогда я.
- Давай. Разбужу засветло, думаю - путь нам еще неблизкий.

Сирий лег на лавку лицом к стене, подложив под голову согнутую руку, а Максимов вышел из избушки до ветру и оторопел. Плотный туман, как во сне, окружил его. "Туман?! Оттепель что ли?! В январе?!" Всякое может быть в тайге." - Участковый согласился с Сирым и прислушался - как будто далекий еле слышимый звон донесся до него. Дрожь пробежала по телу, а ноги не примерзли к снегу, только сделались ватными, и Максимов шагнул навстречу этому тихому позвякиванию.

"Сирий уже спит, наверное, остановить некому!" - Пронеслось в голове. Максимов лишь смог зачерпнуть пригоршню снега и растереть разгоряченное лицо. Снег таял, капли воды стекали за шиворот, - как во сне, - подумал Максимов и еще раз прислушался - позвякивание прекратилось, только кровь звенела в голове.

Участковый вернулся в избушку, плотно прикрыл за собой дверь, пошуровал в печке и подкинул дров. Пламя играло на его лице, и из пламени смотрели бездонные черные глаза, глаза из сна, не дававшие уснуть. Максимов осторожно потягивал из алюминиевой кружки горячий чай, почти кипятков, и думал про себя: "Дайка! Она здесь бродит, охраняет свое золото. Верить ли в это? А куда делись беглецы? Неужели пробрались в пещеру?"

Максимову было невтерпёж сидеть в избушке, черные глаза Дайки, он уже не сомневался в этом, не давали покоя. "Рассказывать ли о сне Сирому, о Дайке?" - Задавал себе вопрос участковый и решил оставить решение на утро. Но дожидаться утра не стал и разбудил каторжанина: "Сирий, вставай!"

- Что, пора? - Сирий как и не спал, тут же вскочил и, посмотрев в окно, спросил, - Не рано?

- Рано не бывает.
- Бывает поздно, - согласился Сирий.
- Вот именно. Где беглецы шли, найдешь?
- Найду, здесь недалеко.

Максимов и Сирий быстро собрались и отправились в путь. Сирий уверенно шел по своим же следам и скоро вывел на тропку беглецов.

- Вот, оттуда мы пришли, - Сирий махнул рукой в сторону Дюлино, - а дальше они в эту сторону двинулись. Видишь следы?

- Вижу. Только туман, да еще ночью. - Засомневался Максимов.
- Не возвращаться же. Пошли! Не заплутаем.

Однако, скоро начались горные отроги, и, пройдя по каменному карнизу, на котором не было снега, Сирий следов беглецов не обнаружил.

- Давай-ка вернемся обратно. - Предложил Максимов.
- Давай, делать нечего. - Согласился Сирий.
- Похоже, они не пошли здесь.

- Думаешь рано мы с тобой начали подъем?
- Рано.
- Но и в лесу дальше следов не видно.
- Давай-ка поищем сломанную ель.
- Зачем? Что за сломанная ель?
- Этой ночью мне приснилась.
- Это когда ты орал? Елки испугался?
- Елки, не елки... Мне кажется нам туда, - Максимов показал в сторону каменной осыпи.
- Что-то ты темнишь, начальник.
- Потом расскажу. Пошли.

Краем осыпи пришлось идти километра три, никаких следов на камнях конечно не было. Начало светать. Максимов остановился, покрутил головой и уверенно опять зашел в лес. Сирый молчал, не спрашивал и шел следом. И вот, метров через двести, появились следы беглецов, протоптавших тропинку.

- Ну ты даешь, начальник! Следопыт.
 - Зови как хочешь.
 - Так не расколешься, следопыт? - Сирый даже засмеялся, идя за Максимовым, но смех его неожиданно оборвался - перед ними стояла сломанная засохшая ель с ободранной корой.
 - Вот ее я и видел во сне! - Восторженно прошептал Максимов.
 - И дальше что?
 - Ее видел! -Так же шепотом продолжил участковый.
 - Ее? Елку?
 - Дайку! Здесь граница ее владений!
- Следы беглецов пересекали незримую границу и уходили дальше в лес.
- Так что остановился?! Идем! - В нетерпении сказал Сирый.
 - Стой! Так нельзя! - Максимов удивился сам себе.

9 глава. Золото Ермака и Дайка, хранительница клада.

- Что ж погостил-то так так мало, Мака мой?! Две ночи и был всего.
- Не время, не время сейчас, Дайка. Лед с реки сошел, пора дальше за Урал камень идти. Царь, Батюшка наш, всей земли Русской, наказ строгий дал и дарами невиданными одарил. - Ответил Еромолай, облачаясь рано по утру.
- Куда теперь-то? - Дайка, простоволосая, темными раскосыми глазами, влюбленными, смотрела на своего суженного.
- Кашлык брать будем, на хана Кучума идем. С богатырем Кутугаем сразиться хочу!
- Вернешься ли? Скоро ли?
- Что ты, Дара, любя моя. Как не вернусь, вернусь. А ты сына мне родишь, богатыря, вместе меня встречать будете. - Еромолай одел одну кольчугу, сплетенную из металлических колец, потом вторую - из блестящих металлических пластин.
- Богатырь ты, Еромоша.
- Царь Батюшка кольчугу самого Шуйского подарил. Как богатырем не быть и землю Русскую не отстоять.
- А город как же? Всю дружину с собой забережешь? Лето придет, с севера набеги начнутся. Соляные промыслы кто охранять будет?
- Не бойся! Царь Батюшка милостивый, с Волги еще отряд казаков дал. А вот, смотри! - Ермак открыл дорожный сундук, достал сверток и размотал белую ткань.
- Не мое это, не моя вера.
- Бог един, убережет. Царь батюшка икону Николая Чудотворца подарил.
- Поможет ли писанный лик?
- Что ты! С этой иконой Казань брали и Соляной город убережет. Сегодня отдам Епископу. Что замолчала?
- А ничего. Ничего не скажу. Я в лесного духа верю, он убережет.
- Как знаешь.
- Сегодня уходишь?
- Нет. Еще дело есть, важное.
- У меня останешься? - Дайка радостно встрепенулась.
- Казну мне надо спрятать, всю с собой в поход не возьму.
- В городе у воеводы оставишь?
- Н-е-е-т, никому не верю, только тебе.
- А как же лик писанный, - Дайка с усмешкой кивнула на икону. - Не убережет?
- Это другое, не трогай, а это золото. Говорю, спрятать надо.
- Не люблю я его, пустое оно, и кровь на нем.
- Вот поэтому тебе и оставляю. Схоронишь. Не прошу, приказываю!
- Приказываешь?! С каких это пор? Неподвластная я тебе.
- Люба, ты моя, тебе только и могу оставить. Нет у меня больше никого.
- Так значит просишь?
- Пусть, прошу. Какая разница!
- А мне его куда деть? - Дайка была довольна своей женской победой, но продолжала подначивать Еромолая.
- А то у тебя мест в горах нет.
- Есть. Только как же туда золото унести? В тех местах дорог нет.
- У меня есть люди верные. Вместе и пойдем, перетащим.
- Нет, Еромоша, в те места никому ходу нет.
- Даже мне?

- Тебе? - Дайка посмотрела на Ермака испытующе, в ее темных глазах бегали смешливые искорки. - Тебя может и взяла бы. Тебя лесной дух пропустит.

- А кто он, лесной дух?

- Не знаю, только он все может. И суд его скорый, не как у вашего бога. - Дайка опять посмотрела на писанную дощечку. - Золото туда унести можно, только вот обратно вернуться... вряд ли.

- Это как?

- Не спрашивай. Сказала уже, не знаю.

- Но твои же люди туда ходят?

- Ходят. Они в лесного духа верят. Только эта вера должна быть настоящей.

- Настоящей?

- Люба я тебе?

- Люба.

- И ты мне... Как ты это... сможешь объяснить?

- Нет.

- Вот и с лесным духом так же... А со мной ты бы туда смог пройти, я бы тебя не отдала.

- Пусть твои золото туда и унесут.

- Унесут. Только сможешь ли ты его обратно забрать?

- Потом и будем думать.

- Думать?... Ну, ладно, унесут. - А про себя Дайка решила: "Ничего он и не понял," но добавила - Ладно, оставляй свое золото.

- Оно теперь и твое.

- Нет. Не будет оно моим... А твоим?

- Вернусь и заберу!

- Как знаешь... Золото когда привезешь?

- Сегодня и привезу. Только оставлять его здесь...

- В моей деревне ничего не случится, здесь чужих нет. А завтра дальше уйдем, унесем... твое золото... Сегодня еще останешься?

- Останусь. Ну ладно, мне в город пора, к вечеру жди.

Поздно вечером Ермак вернулся к своей Дайке в ее лесную деревеньку. На нескольких подводах привезли сундуки с золотом, и его люди сразу уехали обратно в Соляной город. Утром Ермак и Дайка попрощались и не могли тогда еще знать, что это была их последняя ночь. Ермак так и не вернулся из своего сибирского похода.

Дайка выполнила свое обещание. В этот же день ее племя снялось с места и ушло по своим кочевым местам, увозя с собой и золото, казну Ермака. Дойдя до гор, где люди никогда не появлялись, золото спрятали в пещере, а вход завалили. Оно осталось под охраной лесного духа.

Каждую весну племя возвращалось к соляному городу, привозили шкурки соболя. И Дайка все ждала своего Мака, Ермошу, никогда не называла она его про себя Ермаком. Не дождалась. А потом пришла и ее очередь отправиться к лесному духу. Она родила не сына, дочь, с такими же раскосыми карими глазами и рассказывала ей об отце, отважном атамане сибирских первопроходцев.

А золото? О нем забыли, Дайкино кочевое племя скоро перестало существовать. Только дух Дайки так и остался на страже сокровища. Она и при жизни считала это золото проклятым, добытым в набегах, обогранным кровью. Но ее дух не мог освободиться от данного обещания, а золото принести кому-то счастье.

10 глава. Пещера в тайге и спрятанное золото.

- Начальник, смотри, кто там?! - Шепотом сказал Сирый, указывая рукой на сломанную ель.

- Где? Никого не вижу. - Тоже шепотом отозвался Максимов.

- Да на верху сломанной елки. Вон, чернеет.

- Птица, какая-то, что ли...

- Увидел?

- Похоже ворон.

- Ворона?

- Ворон, смотри как перья чернотой отливают.

- Походу на нас смотрит.

- Он все видит, и нас.

- Шмальни...

- Зачем?

- Для остратки.

- Шутишь? - Участковый оглянулся на Сирого. Тот улыбался, испытующе глядя на своего спутника. - Вижу... шутишь...

- Все ты видишь, начальник.

- Как без этого.

- А раньше...

- А раньше другим был. Заметно?

- А то. Что так?

- Это после водички деловой.

- Какой водички?

- А ты что, тоже хочешь?

- Нет, я человек простой, мне зачем.

- Вон там видишь... следы как. - Максимов перевел разговор на другое.

- Где?

- Кругами вокруг елки.

- Увидел. Зачем они вокруг елки ходили?

- Может и ворон здесь сидит не просто так.

- Тебе виднее.

- Я вперед пойду, а ты стой пока здесь.

- Ладно... А если что...

- А если что... Беги отсюда...

- А ты как же?

Теперь Максимов с усмешкой и испытующе посмотрел на своего попутчика и осторожно пошел в сторону ели, посматривая на ворона. Рука заученным движением так и тянулась к кобуре, но участковый сдерживал себя: "В кого тут было стрелять? Не в кого. Ворон... сидит и сидит. Что он мне может сделать? Да ничего."

Между тем ворон внимательно следил за приближающимся человеком, и когда тот подошел ближе, расправил крылья и издал громкий гортанный крик, эхом разлетевшийся по окрестностям. Максимов остановился, посмотрел на ворона и оглянулся на Сирого. Тот, выглядывая из-за дерева, ободряюще махнул рукой - давай вперед.

Максимов сделал еще шаг, и ворон покричал второй раз. Но тут словно тихие колокольчики зазвенели, и участковому вспомнился сон, Дайка и звон ее украшений. Он сделал еще

шаг, ворон сидел тихо, участковый смело подошел к сломанной ели и, обернувшись, жестом позвал Сирого. Тот, не торопясь и все же с опаской оглядываясь на ворона, подошел и спросил:

- Ну как... дальше идем?
- Идем. Пропускают нас.
- А нам что, тоже кругами вокруг елки ходить, как и Гунявому с друзьями?
- Если хочешь, походи.
- А ты?
- Я же говорю, нас пропускают.
- Ладно веди.

Дальше след беглецов уходил по лесному склону вверх, и Максимов уже хотел пойти по нему, но остановился и прислушался.

- Ты чего? - Шепотом спросил Сирый.
- Тихо! - Участковый стоял прислушиваясь к тайге и тишине, и снова услышал колокольчики. - Нам сюда. - Максимов указал в сторону от тропинки.
- Не по следу?
- Нет.
- Тут же снегу больше и чаща. - Заметил Сирый, но пошел следом за Максимовым, тот не собирался ничего объяснять.

Пробирались низиной, где снегу было больше, да и бурелому хватало. Максимов скоро выдохся.

- Давай, я вперед пойду, ты за мной. - Предложил Сирый, - только говори куда.
- Давай, пока все прямо по распадку.
- Не потеряем мы их.
- Не должны. Их кругами водит, а нас напрямую...
- Кто водит-то? - Все же спросил Сирый, перелезая через упавшее дерево.
- Она.
- Твоя? - Усмехнулся Сирый.
- Какая она моя?
- Твоя, раз помогает. Не кружит же по лесу. Расскажешь потом?
- Живы будем, расскажу.
- Сомневаешься?
- Нет.
- Вот это правильно. Дальше-то куда?
- Тише... - Максимов прислушался, - вон туда, по левому склону.
- Ну да, где самый бурелом, там и мы, - усмехнулся Сирый и безропотно полез вверх, пробираясь через густой чапыжник. - Ладно хоть из этого оврага вылезем.

За густой порослью скоро наметился и край оврага, заканчивающийся каменными утесами.

- А там как же? - Спросил Сирый. - Не подняться, круто.
 - Тише, - Максимов упал в снег и сделал знак Сирому. - Ложись!
 - Что?
 - Вон там видишь, чернеется... вход.
 - Пещера?
 - Там они.
 - Что-то тихо.
 - Подождем.
 - Волюну дашь?
- Максимов удивленно посмотрел на Сирого.
- Не думаю, что ты с одним ТТ... Не доверяешь?

- Дам. Что мне в тебе сомневаться. - Максимов достал из внутреннего кармана заряженный наган и оставшиеся патроны к нему, завернутые в тряпицу, протянул Сирому. - Обращаться умеешь?

- Приходилось, когда служил. Вот только стрелять не довелось.

- Надеюсь и сейчас не придется.

- Дай-то бог.

- А Гунявый как же?

- Не думай, не возьму грех на душу без надобности.

- И я о том же. Ладно. Давай слева ко входу подберись, а я правей возьму.

- Слушаюсь, начальник. - Сирий задорно улыбнулся. Максимов в ответ ободряюще кивнул.

Следы беглецов подходили к пещере сверху, вдоль каменного кряжа, Максимов увидел их сразу, они были уже припорошены свежим снегом. У входа в пещеру следы обрывались, было похоже, что обратно так никто и не вышел. Участковый осторожно подобрался к чернеющему лазу, с другой стороны подкрался Сирий. Я первый, ты за мной - участковый сделал знак пистолетом. Сирий кивнул, держа наган наготове.

Вход в пещеру был низким, лазом, когда-то заваленным камнями, они были разбросаны по сторонам и похоже уже давно, занесены снегом. "Не первые беглецы здесь, кто-то в пещере и раньше побывал." - Подумал Максимов, пробираясь ползком в пещеру. Сирий следовал за ним.

Постепенно ход расширился и скоро можно было подняться на ноги.

- Что-то тихо, - прошептал Максимов.

- Может притаились... Давай я первый?

- Нет, я сам. - Максимов включил фонарик и осветил пещеру, небольшой пустой грот, в котором они стояли.

- Дальше-то куда?

- Вон за тем камнем проход. - Максимов осветил фонариком узкий проход, по которому с трудом, но можно было пригнувшись протиснуться.

С той стороны прохода по прежнему не доносилось ни звука. Пробираясь по нему, участковый конечно выдал свое присутствие, со стен осыпались мелкие камешки. Сзади добавлял шуму Сирий. "Сдавайтесь!" - Так и хотелось крикнуть Максиму. Но не было смысла в этом окрике - беглецам некуда было бежать, а может и сопротивляться уже было некому.

Максимов остановился и прислушался, сзади замер Сирий. По прежнему было тихо, но какой-то звук все же появился: "Похоже вода." В знак согласия Сирий коснулся участкового рукой. Опять двинулись дальше. И вроде как к капели добавилось ощущение большого пространства впереди.

И Действительно, проход скоро закончился, а Максимов и Сирий оказались в гроте, правда не таком и большом. Луч фонарика касался противоположных стен. Капель воды превратилась в журчание ручейка, а в свете фонаря отражались желтые блестки.

- Рыжье. - усмехнулся Сирий. - И много.

- Золото. Откуда его здесь столько?

- Мешки уже сгнили. Давно здесь кто-то схоронил.

Да. - Согласился Максимов и повел фонариком к другой стене. - Здесь они... все... пятеро!

11 глава. Проклятое золото и источник, утоляющий жажду навсегда.

- Вот он, здесь... Гунявый! Угомонился! - Сирый стоял перед фигурой в лагерном бушлате, привалившейся к стене. - И дружки твои тут же. Нашли, что искали?!

- Они? - Максимов подошел ближе.

- Они.

- Не слышат они уже тебя.

- Пусть... А может и услышат. А этот, - Сирый показал на Гунявого, - как при жизни смердил... так и после.

- Обыскать их надо.

- Давай. Помочь?

- На, фонарик поддержи.

Максимов принялся за осмотр.

- Что случилось-то с ними? - Спросил Сирый.

- Вроде как уснули... - Участковый осмотрел лежащих подельников Гунявого и самого главаря, сидящего у стены. - Да, запах от этого... при жизни так не пахнут.

- Вечным сном уснули. - Добавил Сирый.

- Точно заметил. Смотри, вот и карта по которой они шли. - Максимов взял из руки худенького очкарика, казалось совсем парнишки, кусок грязной материи с планом и пунктирной извилистой линией на нем.

- Кто же это нарисовал?

- Возьму с собой. Потом разберемся. А ты этого очкарика в лагере не видел?

- Вроде не попадался. Зато этот... - Сирый перевел луч фонарика на Гунявого и брезгливо потрогал того ногой, - вот и пришла к тебе расплата... за Краюху.

- И за другие дела... Пойдем ка, тех двоих посмотрим. У этих ничего интересного больше нет, только золотом мешки набили.

- Не унесли.

- Не успели. Посвети-ка сюда... Это кто в дальнем углу? Истлел совсем, не один год здесь лежит.

- Похоже Колян.

- Первый Настин муж?

- Он.

- Как узнал?

- Телогрейка у него знатная... завидовал грешным делом...

- Смотри, и у него сидор золотом набит.

- Тоже не успел уйти.

- А там кто?

- Видать второй... тоже Настин.

- Вот не повезло бабе.

- Про первого ничего не скажу, а этот... пустышка.

- Видать по Колькиным меткам пещеру все ж таки нашел.

- Иначе и быть не могло. Своего умишка не хватило бы.

- Вот как это место Колька нашел?

- Тот следопыт был. Как нашел? Кто ж теперь узнает. Как-то нашел.

- Все ж таки и второй муж Насты - человек...

- Говорили мы с тобой...

- Ладно... золота здесь сколько... посуда, украшения. Все видно старинное.
- Немерено. И рассыпное есть, и самородки.
- Похоже здесь и до этих кто-то похозяйничал.
- Да, смотри, как все разбросано.
- Принести ведь сюда надо было...
- Принести ладно. А еще и через узкий лаз затащить... Спрятал кто-то до лучших времен.
- А потом так и не добрался.
- А эта... твоя... как ее?
- Дайка? Не ее это.
- Хранительница?
- Вроде того.
- Хорошо охраняет... всех положила... Только как? - Сирий подошел к ручейку, протекающему через грот. - Заметил? Вроде и вода есть, а сухо, и тепло здесь, аж внутри все пересохло. - Каторжанин присел у ручья, зачерпнув в пригоршню воды. - Холодная, ледяная! - И уже хотел выпить.

- Не пей! - Успел крикнуть Максимов.

Сирий недоуменно оглянулся к участковому. Через плотно сжатые пальцы каторжанина просачивалась вода и попадала обратно в ручей. Казалось, что водяные капли светятся в луче фонарика не хуже золота.

- Не пей, - более спокойно повторил Максимов, ничего не объясняя.

Сирий нехотя разжал ладони, медленно вытер руки о бушлат, а потом перевел взгляд на людей в пещере.

- Понял? - Спросил Максимов.

- Хорошо охраняет, - повторил Сирий и отошел от ручья, усмехаясь. - Как здесь воды не напиться в такой сухости и жаре!

- Давай-ка выбираться отсюда. Как бы еще чего не случилось.

- И правда. Золота никакого не нужно. А если тут и раньше людишки за золотишком заходили, где они? В пещере только пятеро.

- Ты у меня спрашиваешь?

- А у кого мне еще спрашивать?

- Так я на это ничего не отвечу. Одно скажу - плохое это золото, с кровью добытое... - Максимов тяжело вздохнул.

- Про золото откуда знаешь... что оно такое?

- Тут и знать нечего. Смотри, сам ведь говоришь, сколько тут разного намешано. - Максимов пнул ногой золотое блюдо, - Тяжелое. А вон там шкатулка открытая с драгоценностями. Золотой песок, самородки - приисковое золото.

- Да, видно, что все из разных мест. - Согласился Сирий.

- Не иначе как разбоем добыто в лихие времена. И схоронить надо было тайно от всех, чтобы никто не знал, куда награбленное делось.

- А хозяин все ж таки за своим добром не вернулся.

- Выходит так. Может где и голову сложил. Пошли побыстрее отсюда, недоброе место и золото проклятое... Ружье только Колькино прихвати.

- А его можно?

- Наверное можно. Оно же из деревни... Жарко здесь что-то становится.

Обратно первым пошел Сирий, но у выхода из грота с золотом замешкался.

- Ты чего? - Максимов толкнул его в спину.

- Смотри, - каторжанин повел лучом фонарика вверх выхода из грота.

- Что там?

- Как сверкнуло что-то...

- Да тут все сверкает, куда ни глянь.
- Н-е-е-т, тут другое... вроде как глаза чьи-то.
- И вправду, - Максимов пригляделся, - да здесь деревяшка над выходом стоит, как кукла

маленькая...

- Глазастая...
- Волосы черные... ладно, пошли.

Но Сирый остановился и с места не сдвинулся.

- Тогда я вперед, догоняй.

- На фонарик.

- Не отставай, - Максимов взял у Сирого фонарик и пошел вперед. - Ты идешь?

- Иду, иду, - Сирый тоже шагнул к выходу из грота, но протянул руку и коснулся куклы.

"Надо ее забрать." - На удивление самому себе решил каторжанин, забрал куклу, стоявшую в небольшой нише, и сунул ее за пазуху. Сзади его подгонял уже горячий ветер.

- Ты что там задержался? - Спросил Максимов Сирого, когда они вышли в первый грот.

- Так, ничего. Давай дальше я вперед.

- Ползи, я за тобой. А то жарко становится.

Узкий лаз стал еще меньше, наверное так только казалось. Но Сирый, который был крупнее Максимова, с трудом пробирался к выходу. Свет уже проникал в нору снаружи, каторжанин торопился, а от спешки получалось только хуже - еще медленнее.

Участковый мог бы двигаться быстрее, конечно если бы он был один, но приходилось ждать, пока Сирый продвинется вперед, а воздуха становилось все меньше, к тому же он своим жаром начал обжигать легкие при каждом вздохе, становившихся более частыми. От этого сердце бешено колотилось в груди, казалось вот-вот, и оно выпрыгнет наружу.

Прежде обледеневший ход, по которому снаружи ползти было проще, от горячего воздуха оттаял - вода стекала по неровным стенам, смешиваясь с землей, превращалась в липкую грязь, по которой и приходилось теперь ползти.

"Быстрее, быстрее, давай быстрее!" - Торопил Сирого про себя Максимов, понимая, что это невозможно, тот и так спешил, извиваясь из последних сил. Наконец снаружи начал проникать морозный воздух, дышать стало легче, потом по глазам резанул дневной свет - после тьмы подземелья он казался чересчур ярким, но радовал.

Сирый выбрался из лаза и тут же скатился вниз по склону. Максимов успел только увидеть, как впереди мелькнули ноги каторжанина, затем услышал хруст ломающихся веток, а потом и громкий вскрик, за которым все стихло.

Участковый бросился следом и тоже не удержался. Склон оказался крутым, на пути к пещере путешественники обошли его стороной. Последнее, что почувствовал Максимов - удар и камень, скрытый под снегом.

12 глава. Таежная спасительница и трудный путь домой.

- Давай, давай, приходи в себя, - голос доносился издалека, словно голова была накрыта подушкой или обложена ватой. По крайней мере, а это действительно был край, такое понимание пришло вместе с далеким голосом, так казалось Максиму. Глаза не открывались, может и головы у него вообще не было и тела, раз не было никаких ощущений. "Но так не может быть, я же слышу голос, я говорю про себя. Значит я жив!"

Жизнь побеждала, ощущения возвращались, и первым пришел холод. "Зима, снег, - а потом вернулась и память, - тайга, пещера, люди в ней и золото. Сирый! Это его голос я слышу!" Максимов собрал все свои силы и с трудом открыл глаза.

- Ну вот, молодец, живой, а я уж, было дело, испугался. Ты как? говорить можешь?

Участковый попробовал что-то сказать, но язык не слушался, во рту от горячего пещерного воздуха пересохло.

- На ка вот снежку, - Сирый поднес к губам Максимова снег, заодно и растер им участковому, щеки, лоб.

Снег таял во рту, холодные струйки стекали за шиворот, принося облегчение. Максимов возвращался к жизни, пошевелился и попробовал сесть, но голова гудела и кружилась.

- Тихо, тихо, тихо, осторожней, - Сирый помог участковому сесть, тот прислонился спиной к камню и наконец смог говорить:

- Об этот камень я приложился?

- Об него, будь он неладен.

- А шапка где моя?

- погоди, найдем. Голову тебе перевязал надо.

Максимов поднял левую руку и осторожно потрогал затылок, он был липким.

- Крепко. - Максимов посмотрел на руку. - Кровь.

- У тебя бинт есть?

- Нет. Достань из сидора рубаху.

- Сейчас, - Сирый сам с трудом подполз к вещмешку участкового, достал нательную рубаху и разорвал ее.

- Ты сам-то как?

- Да я-то ничего. Сейчас тебя перевяжу. - Сирый неумело замотал голову Максиму. - Ничего, пойдет. Кровь остановится.

- Встать не можешь?

- Похоже ребро сломал. Встану, оклемаюсь только немного.

- Здорово мы по этому склону слетели. Я только успел увидеть, как твои ноги мелькнули.

- Я-то ладно, повыше за кусты зацепился. А ты мимо меня пролетел и с этого камня вниз свалился.

- Об него и головой приложился. Я долго без сознания был? - Максимов хотел поднять правую руку и увидел, что сжимает в ней деревянную куклу. - А это... она откуда взялась?

- Я прихватил. - Отозвался довольный Сирый.

- Зачем?... И в руке она у меня... как оказалась?

- Зачем взял? Сам не знаю. Вроде как она попросилась - заberi, - говорит, - меня отсюда.

- Сочиняешь ты что-то, - Максимов усмехнулся.

- А мне что сочинять, как было так и говорю. - Сирый встрепенулся, насколько позволяло сломанное ребро. - Мне зачем она нужна, кукла эта. Ты сам, начальник, мне все уши про нее

прожужжал. К тебе она просилась. А ты мимо прошел. И здесь ее, куклу эту, сразу тебе в руку вложил. Ты в нее и вцепился. Кто знает, что бы с тобой было? Может она тебя и спасла!

Максимов ничего не ответил, сидел и рассматривал грубо вытесанную из куска дерева фигурку женщины с кожаными ремешками вместо волос и украшениями из почерневшего металла. Вместо глаз у куклы били два гвоздика и квадратики тонкой кожи. Тем не менее глаза были живые и смотрели на Максимова с благодарностью. Он сам поймал себя на этой мысли.

На деревянной фигурке был еще и кусочек меха, но что он значил, Максимов так и не понял. Куклу было приятно держать в руке. Она была теплой. "Легла в руку," - подумал про себя участковый и почувствовал, как его силы восстанавливаются - главное, перестала кружиться голова от удара, и боль в затылке притупилась, притихла.

Все еще придерживаясь за камень, Максимов встал на ноги и осмотрелся.

- Полегчало? - Спросил Сирий, и сам ответил. - А-то! Я же говорил. С нами, с тобой теперь она будет. Не все же ей в пещере сидеть и чужое золото охранять.

Максимов посмотрел вверх. Каменный утес, в котором находился вход в пещеру, был хорошо виден.

- А входа-то больше нет! - Максимов показал рукой на скалу. - Смотри!

- И вправду, - Сирий с трудом встал и тоже посмотрел вверх, - обрушилось, камнями завалило.

- И завалило так, как и не было ничего.

- Значит охранять ей больше нечего, Дайке твоей. - Засмеялся Сирий.

- Моей, моей... заладил!

- А вот помяни мое слово, не знаю как, но будет.

- Не мели чепуху!

- Ладно, ладно, молчу начальник.

- Давай-ка я тебе повязку сделаю, чтоб ребро зафиксировать.

- Сумеешь?

- А-то, как ты сам говоришь.

После перевязки Сирий смог встать, начали собираться, хотя особенно и собирать было нечего. Правда теперь Максимов нес два вещмешка, свой и Сирого, да еще и ружье, найденное в пещере. Можно было конечно заночевать и здесь у пещеры, но не хотелось. Мало-ли что еще могло случиться. Поэтому Сирому из толстого сучка с рогастиной сделали какое-то подобие костыля. Можно было на него опираться, сломанное ребро болело не так сильно.

Обратный путь был долгим, трудным. В дорогу тронулись уже под вечер и заночевали, отойдя от пещеры всего километра на два. Ночь застала путников в овраге, по которому они и шли к пещере. Развели костер, наломали лапника, сделали подстилку и продремали всю ночь. Сирий спал больше, если спал, ребро разболелось от ходьбы по лесу.

Максимов сидел, привалившись к дереву и смотрел на огонь, подкидывая сухие еловые ветки, которых хватало в лесу. Костер трещал, из него выскакивали угольки, шипя падали в снег, оставляя за собой проталинки. Угольки еще мерцали, темнели и гасли, чернее темными точками.

Вдруг Максимов услышал тихое позвякивание: "Колокольчики, Дайка, что-ли?" Участковый достал из-за пазухи куклу, теплую, которая опять легла ему в руку. Звон прекратился, зато два глаза - гвоздика засветились синевой, замерцали вслед за пламенем костра. Максимов задремал и увидел ее, Дайку, ее лицо, черные бездонные глаза. Она улыбалась ему. "Спасибо, я еще приду к тебе." - прозвучало в голове.

Утром вышли затемно, перекусив хлебом и салом, запив кипятком из котелка, все горячее приятней. Хоть вода и была снеговой, но жажду утоляла и грела изнутри, добавляя сил. Сирий поднялся с трудом, морщась от боли, но потом разошелся, опираясь на свой костыль.

На охотничьей заимке ночевать не стали, до нее дошли днем. Так и получались ночевки в лесу у костра. Правда остановились в Дюлино. Деда Матвея миновали стороной, к нему получался большой крюк. А потом добрались и до Юзино. Последние километры Максимов тащил Сирого на себе. Когда показалась деревня, силы оставили и его, но до дома Насты все же дошли. Правда упали не добравшись до крыльца.

Наста и Ванька выскочили на улицу, помогли Максиму и Сирому зайти в дом. На этом закончилось их путешествие в поиске беглецов, но история продолжалась дальше. Как же, ведь жизнь продолжалась.

13 глава. Найти свою половинку и начать жизнь заново.

- Сирого, Сирого поднимайте, ему помогите. Я сам... какнибудь. - Максимов еле-еле поднялся на ноги, его покачивало, сказывалось напряжение последних дней и ночевки в тайге.

Наста с сыном помогли Сирому подняться, да что там говорить, просто подняли его, с трудом, и потащили в дом. Сирый пытался им помогать, но получалось у него плохо, ноги волочились по земле, он морщился от боли, сказывалось сломанное ребро, но, сжав зубы, терпел. Максимов же поднял вещмешки, свой и Сирого, и, опираясь на ружье, пошел следом в дом.

- Ой, да что же с вами случилось, никак на беглецов наткнулись! Ой, да какие вы израненные! - Причитала Наста, хлопоча вокруг Сирого, которого усадили на лавку у печки. - Ванька, а ну, подбрось дров в печку и беги к бабке Спиридонихе - скажи, раненные у нас, пусть берет всю свою аптеку и к нам.

- Да не раненные мы... вернее раненные... упали просто с обрыва. Сирый вот ребро сломал, а я головой приложился. - Максимов поставил вещмешки и ружье в угол и тоже стал раздеваться.

- Повязку, повязку не трогай, присохла, вся в крови. - Наста раздевала Сирого и успевала следить за участковым. - У тебя-то что? - Спросила она Сирого?

- Ничего, так, мелочи, само пройдет, - отозвался Сирый, тем не менее морщась от боли. - Руки у тебя какие...

- Какие? Руки как руки.

- Ребро у него сломано. - Повторил Максимов. - Это он так... марку держит. Болит?

- Болит, - признался Сирый, помогая снять с себя заскорузлую, грязную одежду.

- Спиридониха сейчас придет, - в дом вбежал запыхавшийся Ванька.

- Давай-ка баню пока затопи. Ну и дух от вас...

- Мужиком запахло? - Усмехнулся Сирый. - Отвыкла уже?

- Отвыкла. И что?

- Так любой мужик в радость тебе теперь, - Сирый подмигнул Максиму. - Смотри как хлопочет...

- Моего-то никудышного... не встретили? - Наста с надеждой посмотрела на Максимова.

- Встретили, - Участковый нахмурился. - Да обрадовать тебя нечем...

- Что так?

- Всех нашли - и беглых и твоих... обоих. Всех в одном месте.

- И где же они? - Наста остановилась, с тревогой поднесла руку к лицу.

- Нет их... нет их больше... так вот.

- А где нашли-то? - Наста закачала головой, глаза у нее заблестели.

- Золото еще никому добра не принесло. - Ответил Максимов. - Потом расскажем. Так я говорю, Сирый?

- Ты, начальник, всегда прав... на то ты и власть... - Сирый поморщился от боли, Наста опять принялась за него и снимала повязку. - Это так... шучу. Нельзя то золото брать... Ну, да теперь уж никто до него больше не доберется.

- Только я да ты знаем теперь...

- Там теперь и входа больше нет...

- Дело не во входе... Ну да ладно, мы с тобой еще поговорим... успеем. Наста, не переживай... что случилось, то случилось.

- Да как же... жалко ведь... - Наста все же всплакнула.

- Здравствуйте, люди добрые! Что случилось-то? А ну, показывайте! - В дом вошла Спиридониха с корзиной, прикрытой белой тканью.

- Местная скорая помощь?! - Пошутил Максимов.

- А хоть как называйте, всю округу лечу.

- А ты никак участковый наш?

- Участковый.

- Редко у нас бываешь.

- Каюсь, каюсь... Район-то у меня какой - за год не объедешь, не обойдешь.

- Это правда. Садись-ка вот тут на табуретку, здесь у окна посветлее будет. - Спиридониха начала осторожно разматывать присохшую грязную повязку.

- Как тебя так угораздило? По голове что ли кто ударил?

- Да нет, говорю же, сам об камень приложился!

- А ты хоть и начальник, не нервничай. Придется тебе волосы-то срезать! Походишь так?

- Куда мне деваться!

- Вот и я о том же, девки подождают пока. Холостой ты у нас?

- Холостой.

- Что так?

- Не знаю.

- Не уж-то так никто и не приглянулся?

- Была одна... Ой- ой - ой!

- Больно?

- Да нет, это я так. А ты ловко орудуешь.

- Сколько я вас таких перевидала...

- Ты не смотри, начальник, что ее Спиридонихой кличут. - Вмешалась Наста. - Видел бы, сколько медалей у ней! Так, Наталья Спиридоновна?

- Так, так, что о них, дело прошлое...

- Так ты воевала, Наталья Спиридоновна? - Уважительно спросил Максимов.

- Всю войну прошла сестрой милосердия.

- Не знал. А заходил ведь я к тебе.

- Не люблю я то время вспоминать прошлое. Зачем? Минуло все и быльем поросло... Голова-то не кружится? Не болит?

- Н-е-е-т.

- Ну, вот и все.

- В баню бы мне еще как-то...

- В баню можно... - авторитетно заявила Спиридониха. Баня еще никому не навредила... На голову только не лей...

- Спасибо!

- Не падай в другой раз... Ну, где тут у нас второй?

Тем временем, Наста уложила Сирого на широкую лавку у печки, и Спиридониха принялась его осматривать.

- Ого, да тут целая картинная галерея. Тут болит?

- Нет.

- Не забуду мать родную, - прочитала Спиридониха на груди Сирого. - И как, не забыл?

- Не забыл.

- А здесь, что у тебя, больно?

Сирий только скрипнул зубами.

- Больно, акурат на женском портрете. Кто она?

- Прошное дело. - Сирый почему-то покосился на Насту. А та тут же ответила своим взглядом, женским. И что было в этом женском взгляде непонятных глаз, где и слезинки уже просохли, словно их и не было никогда.

- Ну, перемигиваться потом будете. А ребро, я думаю, целое, трещина конечно есть и ушиб.

- В баню-то мне как, можно?

- Можно, если осторожно, - и Спиридониха почему-то посмотрела на притихшую Насту.

- Отлежишься, заживет. Ну, я пошла. Зовите, если что.

- Султан-то твой здесь. - Наста перешла на другое, отводя внимание от себя.

- Матвей привел? - Спросил Максимов

- Он, на другой день. Сам, верхом на нем приехал. Видели бы вы его - всадник. И коня твоего он как-то по другому называет, не Султан.

- Амар!

- Так кажется...

- Знаю, так называл. А где он?

- В конюшне за домом.

- Пойду, повидаюсь.

Конь издали почувствовал Максимова и радостно заржал. Участковый подошел, обнял коня за шею и что-то шептал ему на ухо. А конь стоял тихо, прислушивался и лишь прядал ушами, был рад возвращению хозяина.

Баня уже топилась вовсю, Ванька постарался. Наста заварганила чугунок шей, запах от которых заполнил весь дом. Щи еще стояли в печи - прели, а неугомонная Наста все бегала по хозяйству - достала из ямы квашенной капусты, соленых огурцов и запотевшую бутылку с мутным содержимым.

Поели досыта, а тут и баня подошла. Максимов на свою голову уже не жаловался, и Сирый после обеда сразу ожил, вроде и бок у него перестал болеть. Вот как лечит домашняя обстановка, еда и конечно женщина своей заботой и вниманием.

Мужики пошли в баню, Ванька с ними. Ему очень хотелось услышать о приключениях Участкового и Сирого, конечно о своем отце. Но Максимов и Сирый были немногословны, не хотелось им вспоминать только что пережитое. Поэтому Ванька набрался терпения и решил расспросить мужиков попозже.

Ванька парил мужиков сам, осторожно, как велела Спиридониха, боялся переусердствовать. Баня была не жаркой, просто теплой, но и так в ней было хорошо после стольких дней мытарств по тайге и ночевок у костра.

Стемнело, начали укладываться спать. Сирого уложили на единственную в доме кровать Насты. Ванька залез на полати и тут же засопел, намаялся за день. Максимов расположился на лавке у печки. А Наста все еще бегала по дому, находя себе работу, вроде и не такую уж нужную сегодня. Максимов уснул быстро, широкая лавка казалась ему царским ложем.

Долго он проспал или нет, только проснулся от шепота за занавеской, где спал Сирый. В ночной тишине тихий шепот был слышен хорошо.

- Ну скажи, как тебя зовут?

- Сирый.

- Это не имя.

- А что тогда?

- Это кличка. А я имя хочу.

- Зачем тебе? Сирый и все тут.

- Сирый, как волк одинокий. Ты же не такой.

- Такой.

- Нет, не верю. Ты таким только казаться хочешь, а на самом деле ты другой.

- Зачем тебе мое имя?
- Хочу знать, как тебя мама называла. Она жива?
- Нет, хотя... не знаю. Плохо?
- Не мне судить. Давай я тебя буду так называть, как мама твоя. Всем для тебя стану.

Поживи у меня. Останешься?

- Останусь.... Устал я бродить... А тебе не важно, как я к тебе...
- Нет. - Обрадованно ответила Наста.
- Так можно?
- Можно.
- А ты...
- Поживем, увидим. Я тебя держать не буду. Пусть у тебя сначала все заживет. Где болит,

здесь?

- Темно. Как ты угадала?
- Мне и угадывать не надо, чувствую.
- Какая рука у тебя...
- Мягкая?
- Боль проходит.
- Спи.
- А ты?
- А я вот тут, рядышком. Поместимся?
- Поместимся.
- Давай спать, Сережа.
- Ты как узнала?
- Узнала.
- У Максимова спросила?
- Нет, что ты. Само как-то пришло - Сирий - Сережа.
- А я только тебе сказать хотел... не успел...

Шепот еще продолжался, а Максимов больше не смог уснуть и пошевелиться боялся, боялся спугнуть чужое счастье. Так и лежал до утра. Встал затемно и вышел на крыльцо, накинув полушубок, закурил: "А хорошо все-таки складывается у них..."

14 глава. Тайна железной шкатулки.

Максимов засобирався домой. "Пора, - решил он про себя, - здесь у Насти мне больше нечего делать. Сирого пристроил, может и приживется в Юзино, хватит кочевать по тайге. И Наста вроде довольна - опять у ней новый мужик. Беглых нашел, рапорт надо писать, докладывать. Да и еще о двоих... бывших Настиных. Опять убыток. - Максимов тяжело вздохнул. - Сколько их таких за короткую мою службу пришлось списать, только и успеваю рапорта строить. И ладно бы сами... А то... Эх, ладно, да что об этом."

- Уходишь? - Наста зашла со двора с ведром воды.

- Пора. Служба!

- А то еще пожил бы, подкормила бы тебя. Что тебе там одному на казенных харчах?

- У тебя вон, теперь свой есть, - участковый кивнул в сторону двора, где на завалинке сидел Сырый. День выдался тихим, ясным, и каторжанин грелся не грелся, но ловил солнечное тепло, - его обхаживай, быстрее поправится.

- Эх, начальник... А ты никак пожалел?

- Пожалел?

- Грустный ты какой-то.

- Нет. Живите мирно. А мне пора, - Максимов сказал то, о чем думал и развязал вещмешок.

- Я твое перестирала, вот тут все. Ну, раз решил, собирайся. Не буду мешать.

Максимов хотел было сразу сложить одежду в сидор, но все же сначала решил достать из вещмешка все, что там оставалось - остатки провизии, немного чая, станок для бритья, мыло и прочую мелочь, так необходимую в походах.

Папиросы давно кончились, приходилось курить махорку, так, неважнецкую, злую. Участковый от нее кашлял, но не курить не мог. Понимал - вредная привычка, но вокруг курили все, еще со школы. А над редкими некурящими почему-то смеялись, впрочем как и над нелюбителями самогонки.

И вдруг на самом дне сидора Максимов наткнулся на небольшой, но увесистый сверток, достал его, сначала удивился и лишь потом вспомнил об этом забытом свертке: "Да это тот самый сверток, который мне отдал Матвей, вечный дед! Постой! Но ведь этот сверток Наста просила меня отдать этому странному деду. А дед не взял его и вернул мне, наказав сразу не разворачивать тряпицу - мол поймешь, когда придет время посмотреть, что там внутри."

"Так что? Пришло это время или нет? - Максимов так и не смог ничего понять и решил сначала спросить у Насти:

- Наста, ты здесь?

- Здесь, здесь! - Отозвалась та из сеней, где гремела ведрами. - Тебе чего?

- А ну, зайди-ка!

Похоже Наста чертыхнулась, ударила со звоном пустые ведра об пол и вернулась довольная в дом:

- Вот все вы мужики такие. Только здесь была, ничего не сказал. А как занялась делом, так сразу нужна стала. Чего тебе?!

- Это что? - Максимов показал на матерчатый сверток, который положил на стол.

- А мне почем знать! - Наста хотела уже опять уйти, но все же из любопытства спросила.

- Откуда это у тебя?

- Как откуда?! - Теперь удивился Максимов. - Ты же мне его сама дала и деду Матвею просила занести. Скажешь не помнишь?!

- Ах это? - Наста подошла к столу и засмеялась. - Ну что вы мужики за люди - ни ты, ни Матвей так и не посмотрели, что внутри?

- А зачем?

- О-о-о! Странные вы. Дай-ка я разверну. - Наста долго разматывала тряпицу, оказавшуюся длинной.

- Ну, вот видишь, где нам мужикам столько тряпок размотать, не наше это... - но вдруг осекся на полуслове. Наста поставила на стол металлическую коробку или шкатулку, почерневшую от времени. - Это откуда у тебя?

- Колька, первый мой, домой притащил. А где взял, не знаю, не сказал.

- А внутри что?

- Долго мучился, но так и не открыл.

Максимов взял тяжелую шкатулку в руки и начал внимательно рассматривать - металл потемнел, но не поржавел. По крышке шкатулки, если у нее вообще была крышка, извивалась змея, местами ее чешуя не почернела, отсвечивая латунным цветом, - тяжелая. - Максимов взвесил шкатулку в руке и задумался, - Это я по тайге такую тяжесть таскал?

- Зачем носил? Я только просила деду отдать.

- А ему она зачем?

- Матвей у нас мастак на разные загадки.

- Это что значит? Разгадывает?

- А то ты не понял...

- Понял, понял... Да только дед ее не взял, не посмотрел даже, что ты в тряпку замотала, мне отдал.

- А зачем ему смотреть? Он и так знал, что там.

- Так может он знает и что в шкатулке?

- Может и знает...

- Только мне не сказал.

- Раз тебе отдал, значит ты сам должен открыть шкатулку, или не открывая узнать что в ней.

- Умная ты баба, Наста.

- Поумней некоторых.

- Это ты на меня намекаешь? Ты что, обиделась?

- Еще чего.

- А вот тут, кто-то отверткой или ножом ковырял...

- Колька, кто же еще.

- Из тайги принес?

- Из леса... После этого и зачастил на свою заимку...

- А самородок потом принес? - Максимов продолжал крутить шкатулку в руках, потряхивая ее и внимательно осматривая.

- Уже и не помню... А про самородок ты откуда знаешь?

- Догадайся с трех раз...

- Что гадать... Ванька рассказал?

- Отца он очень своего любит. - Максимов ушел от ответа. И сам спросил. - А твой второй знал про шкатулку?

- Что ты!

- А про самородок?

- Я сказала... знаю, незачем было.

- Ну ладно, дело прошлое. А того золота больше нет.

- Знаю, Серега рассказал.

- Как у вас? Может приживется?

- Может. - Наста тяжело вздохнула. - Не знаю.

- А ты поласковей с ним.

- Да как же еще-то... поласковой. И так уж...
- А волк все в лес смотрит... Как Ванька-то с ним?
- Отец парню нужен. - Глаза у Насты увлажнились и она смахнула слезу.
- Приживется, приживется, не переживай. Я ему скажу.
- Вот только этого не надо! - Встрепенулась Наста. - И слезы у ней сразу подсохли.
- Это почему?
- А потому. Сами разберемся.
- Ну, тебе виднее.

В сенях слышались шаги Сирого, скрипнула дверь в дом, и он с трудом перешагнул высокий порог:

- Холодает однако... - Сирый посмотрел на притихших Максимова и Насту. - Не помешал?

- Нет, что-ты. - Ответил Максимов. - Садись. Как, полегче уже?

- Заботами Спиридонихи... - Сирый осторожно сел на табуретку и поморщился, ребро болело. - А это что у вас? - Каторжанин кивнул на шкатулку.

- Колька нашел, - Максимов посмотрел на Насту. - Сделай-ка нам чайку.

Наста захлопотала у печки, а Сирый, посмотрев на Максимова, тот кивнул, взял шкатулку в руки и стал внимательно разглядывать.

- Открыть сможешь? - Спросил участковый.

- Ты же знаешь, начальник, я по другим делам... душегуб я.

- Не бреди душу, зачем ты так... дело прошлое.

- И правда что... - Сирый придвинул ближе керосиновую лампу, разглядывая шкатулку.

- Шуршит в ней что-то. Слышишь? -

- Слышал... Открыть как?

- Наста, а Ванька где? - По хозяйски спросил Сирый.

- Тут я, - довольные глаза парня сверкнули с полатей.

- Вон ты где? - Теперь Сирый обратился к мальчишке. - Вань, слезь-ка, принеси мне ножичек маленький.

- А где он? - Ванька уже стоял на полу, прыгнув вниз.

- Я его на кухне оставил.

Ванька босой сорвался с места, скрылся на кухне и загремел посудой, разыскивая нож. А Максимов и Наста переглянулись, понимающе улыбнувшись. "Может и наладится все у них," - в который раз подумал участковый.

Тем временем Парнишка прибежал с кухни, подал ножичек Сирому, - вот, держи, - и уселся рядом.

А Сирый тонким ножичком немного поскоблил выступ на боковой стенке шкатулки, чуть-чуть поддел его и сдвинул в сторону. За маленькой сдвинутой крышечкой чернела замочная скважина.

- Вот она, - Сирый был доволен, - нашел!

Подошла и Наста, все замерли вокруг стола, разглядывая шкатулку.

- Теперь бы еще ключик найти, - добавил Ванька.

- А ключа не было? - Максимов спросил у Насты.

А кто ж его знает. Не помню я. - Наста обвела всех виноватым взглядом. - Давайте лучше чай пить.

15 глава. На коне по зимнему лесу.

Застоялся Султан, замаялся один без хозяина. Максимов вывел коня под уздцы из конюшни и отпустил побегать одного на просторе. Конь обрадовался и начал нарезать круги вокруг деревушки, играя с пушистым нетронутым снегом, даже повалялся в нем от радости, потом заснеженный прибежал к хозяину и начал тереться об него головой.

- Молодец, молодец, набегался. Завтра с утра поедем домой, пора. Поди меня на службе заждались, а тебя Жульетта. Соскучился поди по кобыле своей, А? - Максимов трепал Султана по гриве. Конь от нетерпения переступал ногами, крутил головой в знак согласия.

- Завтра уезжаешь? - Спросил Сирий, выйдя из дома и закулив самокрутку.

- Пора. - Ответил Максимов, уводя коня обратно в конюшню. - По папиросам соскучился, уж больно здешний табачок зол, кашлять от него начал.

- А я вот вроде ничего, привык, не Казбек конечно...

- Ты приезжай в район, не затягивай. Паспорт надо новый оформить. А то со справкой болтаешься, смотри, на неприятности нарвешься. Это я такой добрый, а люди разные бывают.

- Знаю, начальник, не переживай, Ивана повезем в интернат, Ольку проведем и в милицию с Настой заедем. А потом... в общем решили мы в ЗАГС. Ты как, одобряешь?

- Вам виднее. Не обижай ее, и так она натерпелась.

- Что ты! - Сирий даже возмутился, а потом засмеялся, переводя в шутку. - Да она сама кого хочешь обидит.

- Ладно, ладно, не хорохорься.

- Да я так, любя она мне. Только ты ей не говори...

- Сам скажешь.

- Сам? Не знаю.

- Что так?

- Не знаю, и все тут.

- Разберетесь какнибудь. Ребро-то болит?

- Болит! - Сирий попробовал покрутить туловищем, но поморщился. - Так что не раньше чем через месяц приедем.

- Не знаю, где я буду, можешь меня и не застать.

- Не беда, справимся.

- Я про тебя все Строгому обскажу, начальнику райотдела. Ни к кому не ходи, сразу к нему. Понял?

- Понял.

- Он поможет. Пошли в дом, хорошо сегодня морозит.

- Наста там напекла тебе в дорогу.

- Повезло тебе с женой.

- Ничего, и у тебя сложится.

В доме пахло свежее испечённым хлебом, а раскрасневшаяся Наста как раз доставала из печки противень с капустным пирогом.

- Вот Максимов, не бойся, голодным тебя не отправлю. Здесь накормлю и с собой дам.

- Ты вон лучше за своим следи, - участковый усмехнулся, но был явно доволен, - смотри какой он у тебя худой. Приедете в район, посмотрю, как он на твоих харчах разживется.

- Не бойся, голодным сидеть не будет, откормлю.

- Я вот что тебя спросить хочу, - Сирий обратился к участковому, но замаялся.

- Говори... спрашивай. Что замаялся?

- Про ружье я. Сам ведь знаешь, без охоты здесь не проживешь, на зайцах не прокормишься.

- Походу я всех переловил. Последнюю неделю ни один не попался. - Добавил Ванька.
- Ружье? - Максимов оглянулся на ружье, которое так и стояло в углу у двери.
- Оставь, ружье еще отца моего. - Вмешалась и Наста.
- Ничье стало быть, и документов на него никаких... - участковый тяжело вздохнул.
- Как без ружья в тайге, без охоты?
- Вот, браконьерить и будете...
- Так мы ведь только на пропитание, не больше, а? - Наста по своему, по бабьи, уже готова была пустить слезу, а вся троица, теперь уже семья, окружила Максимова. - И не мы одни с этого ружья кормимся, вся деревня... все кто остались.

- Уж не знаю, что и делать - закон ведь... А с другой стороны... ладно. - Максимов посмотрел сначала на Сирого, потом на Насту, - Под твою ответственность, ты вроде как староста здесь. Поняла?!

- Поняла, поняла! Спасибо тебе, начальник.
- Только чтоб ружье вот так не болталось!
- За это не беспокойся, - Сирый взял ружье и сразу унес куда-то. - Будет в надежном месте.
- Шкатулку с собой заберу. - Максимов кивнул на старинную шкатулку, так с утра и стоящую на столе.

- А она твоя. - Сказала Наста. - Дед Матвей тебе ее отдал. Вот только не открыли мы ее.
- Может ее распилить? - Предложил Ванька.
- Ты чего... такую красоту! - Оборвала сына Наста. - Нет уж. Забирай, начальник, коробку, а там разберешься, откроешь какнибудь. - Наста достала домотканое полотенце и завернула шкатулку в него. - Помочь сложить?

- Нет, сам справлюсь. - Максимов уложил обернутую шкатулку на дно вещмешка, а сверху пошли и другие вещи. - Патроны вот тут у меня к ружью, ваши теперь. - Участковый положил на стол матерчатый мешочек.

- Сереж, патроны тоже спрячь. - Наста протянула мешочек Сирому.

Обсуждать вроде больше было нечего, за окном стемнело, спать решили лечь пораньше, тем более что Максимов собирался выехать поутру затемно.

На обратном пути ничего примечательного не случилось. Только в Ражино староста Инютин забросал Максимова вопросами про беглецов.

- Нашел, нашел! - Что еще мог сказать участковый.
- Всех троих?
- Всех.
- И где они?
- Замерзли.
- Ясное дело. - Ухмыльнулся староста. - Чай зима. Где нашел-то?
- За Дюлино... В аккурат так все под елкой и сидели. Костер развели, снег и съехал с веток. А спичек больше не было. - Максимов придумывал находку и чувствовал себя отвратительно, приходилось врать. Но ничего другого он сделать не мог.

- Дед Матвей им не встретился?
- Нет. Я был у него, они мимо прошли...
- И что их в ту сторону потянуло... там же нет ничего.
- Не знаю. Заблудились наверное.
- Может.

Тут вот какое дело...

- А мужа Настиного нашел?
- Так о нем я... нашел, на его заимке и нашел, на охоту ушел... не повезло мужику...
- А что случилось?

- Ты же знаешь, он человек невожатанный был...
- Знаю. Наста говорила о нем. Опять ведь бабе не повезло - первый в тайге пропал, и со вторым - та же история.
- Тут винить некого, тайга таких не любит, как и те - замерз, только на заимке... Олька все у вас гостит?
- Нет, в интернат, в Юзвву отвезли.
- Правильно, что ей в деревне сидеть. Пусть учится.
- А Ванька теперь как же, так и будет с матерью?
- Про это и говорил тебе... В общем у Насты теперь новый...
- Вот те раз! Откуда взялся?
- Из каторжан, свое отбыл... по деревням шатался, подрабатывал... Да он наверное и у вас бывал... Сирым кличут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.